A 900/586

13
7
125
О 4065
13-7-125
А 200/586
155/2174

„ОТТОРЖЕННАЯ ВОЗВРАТИХЪ".

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ И ВОЗСОЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКАГО КРАЯ.

СОЧИНЕНІЕ

А. П. Липранди

(А. Волынецъ).

БИБЛІОТЕКА ПОГАШЕНО ГЛАВНАГО ШТАБА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Калашниковск. типографія А. Л. Трунова. Калашниковск. пр., д. № 11—13.
1893.

13-7-125

„ОТТОРЖЕННАЯ ВОЗВРАТИХЪ".

А 200/586

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ И ВОЗСОЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКАГО КРАЯ.

А 157/2174

СОЧИНЕНІЕ

А. П. Липранди.

(А. Волынецъ).

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Калашниковск. типографія А. Л. Трунова. Калашниковск. пр., д. № 11—13.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го Февраля 1893 года.

Приближается важный историческій юбилей: 27 марта текущаго 1893 года исполняется сто лѣтъ со времени возсоединенія Западно-Русскаго края съ единоплеменною ему, родною по духу и вѣрѣ Великою Россіей. Истекаетъ сто лѣтъ съ того великаго историческаго момента, когда Западная Русь—древнѣйшая колыбель русскаго православія, драгоцѣнное наслѣдіе Рюриковичей, край, гдѣ, можно сказать, основалась Русь и откуда, говоря словами лѣтописца, „русская земля стала есть“,—послѣ трехвѣковаго страданія подъ властью католическо іезуитской Польши, послѣ безпримѣрнаго въ исторіи рабства и угнетенія хозяевъ пришельцами, послѣ жестокаго хозяйничанья въ немъ чужеземцевъ,—былъ возсоединенъ, наконецъ, заботами и могуществомъ нашей великой императрицы, съ Россіей, а западно-русскій народъ былъ освобожденъ отъ рабства, позора и униженія, вступилъ въ новую жизнь и началъ возрождаться духовно, нравственно, политически, экономически и обновляться подъ вліяніемъ новыхъ свѣтлыхъ дней, возсіявшихъ для него подъ скипетромъ русскихъ православныхъ государей...

Какой славный былъ это моментъ въ жизни русскаго народа, какая свѣтлая страница въ русской исторіи, какое великое дѣло царствованія императрицы Екатерины II-й! Не даромъ многомилліонный западно-русскій народъ до сихъ поръ благоговѣетъ предъ ея именемъ, не даромъ онъ цѣлое столѣтіе уже поминаетъ и будетъ вѣчно поминать въ своихъ молитвахъ имя своей великой заступницы, своей освободительницы, своей благодѣтельницы.

Западно-русскій народъ былъ повергнутъ въ трехсотлѣтнее рабство, жизнь среди котораго являлась бременемъ. Вся-

кій пришлецъ-шляхтичъ былъ неограниченнымъ властелиномъ русскаго; онъ могъ бичевать его, увѣчить, предавать смерти безъ малѣйшей за то отвѣтственности: на жестокость польскихъ пановъ и шляхты не было другой апелляціи, какъ только къ правосудію Бога. За сто грошей (50 копѣекъ) каждый панъ имѣлъ право убить русскаго крестьянина; жизнь жида цѣнилась вдвое болѣе жизни русскаго. Ни крѣпостное право, ни татарское иго не могутъ даже сравниваться съ тѣмъ рабствомъ, какое довелось перенести западно-русскому народу во время нахожденія его подъ польскимъ владычествомъ. И во время крѣпостнаго права помѣщиковъ, и во время татарскаго ига случались и бывали насилія, даже жестокости, но все это только *случалось*, только *бывало*, тогда какъ трехсотлѣтній періодъ польскаго владычества въ Западномъ краѣ былъ рядомъ непрерывныхъ насилій, жестокостей, несправедливостей, безпощаднымъ истребленіемъ завѣтовъ предковъ русскаго народа, попирательствомъ самаго существеннаго, самаго дорогаго, что ни на есть въ человѣкѣ—его вѣры и національности.

Съ Петра Великаго Россія начала быстро расти и крѣпнуть, а Польша начала также быстро падать и разлагаться. Россія не могла, конечно, хладнокровно смотрѣть на приниженное положеніе своихъ братьевъ въ западно-русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Польскаго государства; она неоднократно заступалась за нихъ передъ польскимъ правительствомъ, требовала обузданія пановъ и шляхты, угнетавшихъ русскій народъ и насильно навязывавшихъ ему чуждую вѣру свою и языкъ. Ничто, однако, не приводило къ желаемымъ результатамъ. Въ концѣ прошлаго вѣка насталъ, повидимому, благопріятный моментъ для облегченія участи западно-русскаго народа: могущество Польши окончательно упало, начались раздоры, междоусобицы. Въ то-же время среди западно-русскаго населенія, подъ вліяніемъ возрастающаго могущества Россіи, пробудилось и начало быстро расти чувство національнаго самосознанія; возгорѣлась страшная ненависть къ

угнетателямъ, начались открытые протесты. Поляки не унимались. Тогда императрица Екатерина II-я рѣшила отдѣлить отъ Польши часть не-польскихъ земель ея. Можно было ожидать, что это образумитъ поляковъ и покажетъ, какую опасную игру ведутъ они, пренебрегая правами русскихъ жителей своего государства. Но слишкомъ ужъ велико было заблужденіе, слишкомъ ужъ глубоко пустило свои корни пагубное іезуитское вліяніе. Послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, лишившій ее половины территоріи. Время было тяжелое, только особенное напряженіе силъ, общая дружная работа могла возстановить силы ослабшаго польскаго организма. Увы! и тутъ поляки остались вѣрными себѣ: всѣ усилія свои они напрягли не на возстановленіе своихъ силъ, безъ которыхъ было немыслимо дальнѣйшее существованіе Польскаго государства, а на борьбу съ Россіей, съ Россіей, бывшей въ то время уже во всемъ блескѣ своихъ силъ, своей славы. Дѣло шло на быть—или не быть. Борьба, разумѣется, оказалась непосильной и Польша перестала существовать.

Западная Русь, послѣ трехвѣковаго польскаго владычества и рабства, снова возвратилась къ Россіи и возвратилась почти совершенно чистой отъ языка польскихъ ея притѣснителей. Народъ ея сохранилъ всѣ русскіе обычаи и даже религія, не смотря на всѣ угнетенія и усилія, была въ большинствѣ случаевъ, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, православною. Ничто, ни презрѣніе и ненависть польскихъ пановъ и шляхты, ни горячая проповѣдь ксендзовъ въ защиту католицизма, ни притѣсненія и угрозы,—ничто не заставило западно-русскій народъ сдѣлаться отступникомъ отъ родной своей вѣры, ничто не принудило его измѣнить своей народности: онъ мужественно перенесъ всѣ невзгоды и, къ чести и славѣ своей, остался вѣрнымъ своей церкви и народности. Только небольшая въ общемъ часть населенія, вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій, оказалась вынужденной склониться на принятіе уніи и меньше католичества, чтобы пользоваться человѣческими правами. Поистинѣ достоинъ

удивленія тотъ фактъ, что всѣ тѣ коренныя начала православія и русской народности, которыя укоренились въ Западной Россіи въ древнѣйшія времена, не смотря на различныя наружныя наслоенія, наложенныя на нихъ польско-іезуитскимъ владычествомъ,—сохранились до тѣхъ поръ, пока край этотъ не возвратился къ Россіи.

Придавая большое значеніе возсоединенію западно-русскихъ областей съ Россіей, императрица Екатерина II-я повелѣла выбить въ память этого важнаго въ жизни русскаго народа событія медаль съ своимъ изображеніемъ, двуглавымъ орломъ Россійской имперіи и географическою картою новоприсоединенныхъ (по первому и второму раздѣламъ Польши) земель. Надъ двуглавымъ орломъ воспроизведена надпись: „*Отторженная возвратихъ*“.

Что послужило причиной паденія Польши? Кто былъ виновникомъ ея гибели? Мнѣнія относительно этого, не смотря на столѣтній періодъ времени, и до сихъ поръ еще не всегда сходятся. Освѣтить этотъ вопросъ и составляетъ цѣль настоящаго очерка.

5 февраля 1893 года.
С.-Петербургъ.

«Два года я изучалъ исторію Польши и вотъ отвѣтъ, который я самъ себѣ далъ: нѣтъ, поляки неправы... Раздѣлы ихъ государства совершены были правильно... Польша нѣсколько вѣковъ своими междоусобными распрями скандализировала Европу. Съ кончиною Казиміра, послѣдняго Пяста, въ 1370 году, Польша начала торговать своею короною, какъ публичная женщина своею красотою. Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: постепенный упадокъ... Цивилизація ея въ средніе вѣка была ничто иное, какъ восточная роскошь; литература ея—только контрафакція латинизма; республика—лексиконъ, заимствованный изъ древняго быта, или оперная декорація; ея набожность—крайнее ханжество. У нея не было ничего истиннаго, ничего не было опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ изступленію всѣхъ страстей... Кого должны поляки обвинять въ своихъ несчастіяхъ?—Самихъ себя и только самихъ себя... Польша попала подъ власть Россіи—это ея счастіе» *).

Прудонъ.

Одинъ польскій историкъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „Польшу погубили Римъ и іезуиты“. Дѣйствительно, слѣдя за исторіей Польскаго государства нельзя не замѣтить, что постепенный упадокъ его, упадокъ, приведшій въ концѣ концовъ къ той катастрофѣ, которая произошла съ Польшей въ концѣ прошлаго вѣка и которая совершенно прекратила существованіе этого нѣкогда могущественнаго го-

---

*) Эта рѣчь извѣстнаго французскаго ученаго сказана имъ во французскомъ сенатѣ въ самый разгаръ польскаго мятежа 1863 года, когда Наполеонъ III велъ дипломатическій походъ противъ Россіи и всѣми силами старался вовлечь ее въ новую войну съ европейскою коалиціею.

сударства, — начинается именно съ того времени, когда въ него были впущены іезуиты. Но этого мало, исторія Польши указываетъ намъ, что чѣмъ большее вліяніе пріобрѣтали іезуиты въ этомъ государствѣ, чѣмъ ближе прикасались они къ дѣламъ его и чѣмъ больше становились его хозяевами,— тѣмъ быстрѣе шло внутреннее разложеніе его и тѣмъ скорѣе приближалось оно къ своей гибели.

Правленіе храбраго и даровитаго Стефана Баторія (1575—1586) было послѣднимъ блестящимъ періодомъ Польши. Послѣ Баторія сейчасъ же іезуитамъ были открыты ворота въ Польшу и съ этого времени, особенно же съ половины XVII вѣка, когда іезуиты успѣли уже укрѣпиться въ государствѣ и пріобрѣсти вліяніе въ немъ, Польша быстро пошла къ погибели.

Собственно говоря, полякъ, по своей природѣ, не рожденъ гонителемъ, и если онъ сдѣлался таковымъ, то онъ едва ли не всецѣло обязанъ этимъ іезуитамъ. Водворившись въ Польшѣ, іезуиты быстро подчинили своему вліянію церковь и школу въ государствѣ и также быстро и ловко воспользовались этимъ своимъ вліяніемъ для перевоспитанія польскаго народа, для той вредной перемѣны въ характерѣ польской націи, которая и была главнѣйшей причиной постигшей сто лѣтъ тому назадъ польское государство катастрофы; іезуиты посѣяли сѣмена религіозной вражды, возстановили другъ противъ друга всѣ классы народонаселенія фанатическимъ преслѣдованіемъ своимъ иновѣрцевъ, породили распри и борьбу между различными религіозными партіями въ странѣ, до крайности развратили и испортили народъ,—словомъ іезуитство положило въ Польшѣ зерно всякихъ золъ, которое, вслѣдствіе прирожденнаго полякамъ легкомыслія, быстро разрослось и привело страну къ тѣмъ насиліямъ и безчинствамъ, которыми переполнена вся исторія Польши XVII и XVIII вѣковъ.

Польша съ трехъ сторонъ граничилась съ Западной Русью, заключавшей въ себѣ цѣлую половину русскаго племени и обни-

мавшей огромное пространство отъ Двинска (Динабурга) и Опочки до устьевъ Днѣпра и отъ Гродно, Люблина и Карпатскихъ горъ до Можайска, Новосиля и Полтавы. На этомъ пространствѣ были раскинуты древнѣйшія и знаменитѣйшія русскія княжества, а именно: Волынское (нынѣшняя губернія Волынская и части Люблинской, Гродненской и Минской), Галицкое (нынѣшнія губерніи Подольская, Бессарабская, части Люблинской, Сѣдлецкой и австрійская Галиція), Кіевское (нынѣшняя Кіевская губернія), Полоцкое (нынѣшняя губернія Витебская и части Минской и Виленской), Смоленское (Смоленская губернія и сѣверная часть Могилевской), Черниговское (Черниговская губернія и южная часть Могилевской) и Сѣверское (части Черниговской и Полтавской губерній).

Всѣми этими княжествами владѣли потомки Ярослава Мудраго. Сильнѣйшимъ изъ нихъ было Галицкое княжество или, какъ оно также называлось, Русское королевство, заключавшее въ себѣ послѣ Даніила всю юго-западную Русь отъ Нѣмана и Вислы до Чернаго моря и Днѣпра. Сынъ Даніила — Шварнъ, женатый на дочери перваго Литовскаго князя Мидовга, владѣлъ даже и Литвою.

Въ XIV и началѣ XV вѣкахъ всѣ западно-русскія княжества, частью по родственнымъ связямъ, частью же путемъ завоеваній, соединились съ Литвой и перешли во власть Литовскихъ князей, которые съ этого времени начали называться великими князьями Литовскими и Русскими. Западно-русскій народъ былъ соединенъ съ литовскимъ не какъ подвластный ему, а, какъ говорится въ грамотахъ литовскихъ князей, какъ „вольный съ вольнымъ и равный съ равнымъ“. „Рицарство шляхетское русское зъ рицарствомъ шляхетскимъ литовскимъ—говорится въ грамотѣ великаго князя литовско-русскаго Владислава (1345 г.)—и тѣ народы зупелне зъединочатся, яко ровный зъ ровнымъ и свободный зъ свободнымъ, и яко единоплеменны суть и доброю волею едность свою ухундовали и укрѣпили, вызволившися отъ ярема татарскаго

общею ратію русскою и литовскою предъ Гедимина, праотца нашего. И теперь въ имѣніяхъ своихъ и побыткахъ да имутъ русняки свободу и волю свою непреслѣдованну и ненасилуему и судятся въ нихъ отъ самихъ себя, а въ суды земскіе и городскіе избираютъ судей и урядниковъ вольными голосами, по правамъ своимъ и статутамъ, якіе утверждаемъ и заховуемъ на вѣчныя времена и за посесоровъ нашихъ о нихъ ручаемся".

Дѣйствительно, русскіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ были народомъ не только равноправнымъ съ литовцами, но даже преобладающимъ въ нравственномъ отношеніи. Во первыхъ, русскіе были гораздо многочисленнѣе литовцевъ, во вторыхъ, они стояли на гораздо высшей степени гражданскаго развитія. Къ тому же, почти у всѣхъ литовскихъ великихъ князей, послѣ соединенія Литвы съ Западной Русью, были русскія жены и матери; какъ онѣ, такъ и сами князья были православные. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что русскій языкъ былъ государственнымъ языкомъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, что въ немъ дѣйствовали коренные русскіе законы (собранные и изданные впослѣдствіи подъ названіемъ Литовскаго Статута) и вообще что Литовско-Русское государство было въ дѣйствительности государствомъ русскимъ, отличавшемся отъ Московской Руси только тѣмъ, что въ послѣдней княжили потомки Рюрика, а въ первой—Гедимина.

Такъ было, однако, только до сліянія Литовско-Русскаго государства съ Польшей. Поляки и особенно католическое духовенство, подчинивши себѣ къ XIV вѣкѣ всю Западную Европу, давно уже жадно устремляли взоры на Западную Русь и Литву. Поляки дѣлали это изъ политическихъ видовъ, такъ какъ, будучи въ то время народомъ весьма ничтожнымъ, видѣли невозможность для себя существовать самостоятельно рядомъ съ такимъ могущественнымъ государствомъ, какимъ была въ то время Литовско-Русская держава. Они справедливо опасались разрушенія, сѣмена котораго но-

сило въ себѣ само Польское государство. Почти съ самого развитія Польши, въ ней царили различные споры и неурядицы: короли спорили съ папою и съ императоромъ за королевскій титулъ, съ родственниками—за краковскій престолъ; единства народнаго не было, населеніе государства состояло изъ поляковъ, нѣмецкихъ переселенцевъ и евреевъ; всѣ они имѣли свои особые языки, свои обычаи, судъ, расправу. Въ богослуженіи, въ судебныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ господствовалъ латинскій, непонятный для большинства народа, языкъ, вельможи не слушали королей, духовенство-же, само добивавшееся свѣтской власти, прямо проклинало ихъ,—словомъ въ государствѣ царствовало полнѣйшее разногласіе правъ, уставовъ, языка, понятій etc. При такомъ положеніи понятно, что Польша не могла бы существовать долго въ видѣ самостоятельнаго государства: для этого въ ней не было той внутренней силы, которая возникаетъ только подъ вліяніемъ родныхъ уставовъ, роднаго языка и обычаевъ,—при неразрывномъ согласіи всѣхъ общественныхъ условій. Кромѣ всего этого, Польшѣ со всѣхъ сторонъ угрожало порабощеніе сосѣдями: русскими, литовцами, нѣмецкими рыцарями, чехами, венгерцами. Ей необходимо было искать защиты и опоры.

Польскіе государственные люди сознавали все это и лучшіе изъ нихъ угадали, что самой надежной опорой и защитой для Польши было бы соединеніе ея съ Россіей, если и не всей, то по крайней мѣрѣ съ западной частью ея, которая составляла великое княжество Литовско-Русское.

Католическое духовенство, помимо этихъ политическихъ видовъ, имѣло еще и другіе, религіозные: соединеніемъ Литовско-Русскаго государства съ Польшей римское духовенство расчитывало подчинить себѣ и этотъ обширный край, что представлялось ему тѣмъ болѣе достижимымъ, что значительная часть литовскаго населенія еще была язычниками.

Соединеніе Литовско-Русскаго государства съ Польшей было достигнуто бракомъ Польской королевы Ядвиги съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягелло, который вмѣстѣ съ при-

нятіемъ польской короны, принялъ и католичество (1386). Съ этого времени въ Литвѣ и Западной Руси уже не было больше православныхъ государей.

Западная Русь и Литва были присоединены къ Польшѣ не въ качествѣ удѣла, а въ качествѣ равноправнаго ей государства. Та часть Россіи, которою владѣлъ Ягелло подъ именемъ великаго князя Литовско-Русскаго и которая, посредствомъ брака его съ Ядвигой, присоединилась къ Польшѣ, состояла изъ нынѣшнихъ губерній: Виленской, Волынской, Гродненской, Витебской, Ковенской, Минской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Черниговской.

Соединившись съ такой огромной частью Россіи, Польша вдругъ сдѣлалась могущественнымъ государствомъ. Могуществу ея мѣшало, однако, то обстоятельство, что въ то время какъ старшинство, съ титуломъ королевства, было на сторонѣ Польши, большинство народонаселенія въ соединенномъ государствѣ составляли русскіе. Чтобы слить оба народа—русскій и польскій—и тѣмъ закрѣпить какъ самое соединеніе государствъ, такъ и могущество Польши, католическое духовенство придумало, а правительство пустило въ ходъ средство — обратить православный западно-русскій народъ въ католичество. Еще при Ягелло были сдѣланы попытки къ этому, но православный литовско-русскій народъ далъ энергическій отпоръ имъ и все дѣло ограничилось лишь изданіемъ закона, по которому только тѣ дворяне Литовко-Русскаго великаго княжества могутъ пользоваться правами польскихъ шляхтичей, кои исповѣдуютъ католичество; католикамъ воспрещалось вступать въ бракъ съ православными, которые не могли также занимать государственныя должности.

Этой и подобными ей мѣрами нельзя было, конечно, достигнуть окатоличенія Западной Руси: литовско-русскій народъ горячо охранялъ свою православную вѣру и вся ревность, всѣ усилія поляковъ и ихъ духовенства къ совращенію его въ католичество не достигали желаемыхъ результатовъ. Тогда на подмогу католическому духовенству были

призваны іезуиты. Эти всемірные учителя религіознаго фанатизма горячо принялись за пропаганду и съ этого времени Западно-Русскій край вступилъ въ новый періодъ церковной и политической жизни, періодъ латино-польскаго преобладанія и открытаго гоненія православія и русской народности.

Іезуиты убѣдили польскихъ королей, что принадлежавшія Польшѣ западно-русскія области не раньше обратятся въ чисто польскія, какъ по водвореніи въ нихъ римско-католической религіи, ибо вслѣдствіе сохраненія русскимъ народомъ древней своей религіи, онъ, естественно, тяготѣетъ къ прежнему своему отечеству—Россіи и при первомъ удобномъ случаѣ готовъ соединиться съ ней. Обращеніе русскаго народа въ католичество явится надежной преградой этому тяготѣнію и быстро приведетъ къ совершенному ополяченію его. Поэтому, поучали іезуиты, греческая религія должна быть во что-бы ни стало подавлена въ западно-русскихъ областяхъ и замѣнена католическою. Церковная унія, сочиненная въ 1596 году на Брестскомъ соборѣ, должна была служить переходной ступеней къ этому: сперва православные должны были сдѣлаться уніатами, а потомъ католиками. Самое трудное было сдѣлать первый шагъ, т. е. сдѣлать православныхъ уніатами, но для іезуитовъ, поставившихъ себѣ девизомъ „цѣль оправдываетъ средства“, и это не казалось труднымъ.

На Брестскомъ соборѣ удалось, отчасти угрозами, отчасти обѣщаніями матеріальныхъ и иныхъ выгодъ, склонить часть православныхъ епископовъ *) къ принятію уніи, но большинство епископовъ, архимандритовъ, священниковъ, князей и дворянъ не поддались угрозамъ и обѣщаніямъ, остались вѣрными православію и объявили брестскія постановленія не дѣйствительными и вынужденными. Правда, за это они подверглись проклятію, и были отлучены отъ церкви, но и они,

*) Напримѣръ, епископа Холмскаго Діонисія Збируйскаго, Луцкаго—Кирилла Терлецкаго, Владиміръ-Волынскаго—Ипатія Поцѣя и др.

въ свою очередь, прокляли и отлучили отъ церкви отступниковъ—уніатовъ.

Принявшимъ унію были обѣщаны мѣста въ польскомъ сенатѣ и всѣ прочія преимущества католиковъ, но лишь только унія была подписана, поляки отказались отъ всѣхъ своихъ обѣщаній и отступниковъ тотчасъ же постигло горькое разочарованіе въ ихъ расчетахъ. Польскіе паны, благодаря своимъ наставникамъ-іезуитамъ, слишкомъ хорошо уже постигли къ тому времени науку умственныхъ оговорокъ и всякихъ уловокъ и вовсе не считали себя связанными своими словами и обѣщаніями, коль скоро выполненіе ихъ казалось имъ непріятнымъ или невыгоднымъ.

Громадное большинство западно-русскаго народа оставалось вѣрнымъ религіи своихъ предковъ, но введеніе уніи имѣло уже то пагубное вліяніе, что посѣяло въ странѣ сѣмена вѣчныхъ распрей и преслѣдованій. Возникъ страшный расколъ; проклятія сыпались съ обѣихъ сторонъ, народъ роптал, церкви стояли пустыя; уніаты въ союзѣ съ католиками и іезуитами наперерывъ стали преслѣдовать своихъ братьевъ, неизмѣнившихъ религіи. „Не любя и не уважая своего короля, поляки, однако, старались, повидимому, о благосостояніи своего отечества и, боясь возвратиться въ то беззащитное и слабое состояніе, въ какомъ Польша была до соединенія съ Литвой, хотѣли русскія области великаго княжества Литовскаго слить съ собою въ одинъ народъ, чтобъ отвлечь ихъ на будущее время отъ всякаго покушенія къ соединенію съ московскою Русью. Они уже сообщили этимъ областямъ свой образъ правленія и пріучили ихъ къ польской вольности. Русскій языкъ въ этихъ областяхъ съ каждымъ днемъ болѣе смѣшивался съ польскимъ. Оставалась неприкосновенною только русская греко-восточная вѣра, которая, составляя главную стихію русской національности, сильно напоминала этимъ областямъ о древнемъ единеніи ихъ съ московскою Русью: поляки рѣшились перемѣнить въ Литвѣ и эту національность. А король Сигизмундъ III составлялъ

всю славу своего царствованія въ томъ, чтобы, согласно руководству окружавшихъ его іезуитовъ, совращать въ католичество своихъ подданныхъ—иновѣрцевъ и, вслѣдствіе такой неразумной ревности, хотѣлъ русскую церковь въ Литвѣ соединить съ римско-католическою. Въ этомъ отношеніи король и подданные сошлись въ своихъ намѣреніяхъ и поступкахъ: дружно начали преслѣдовать грекo-восточную вѣру и, разстроивши общими силами Польшу до возможной крайности, приготовили ее къ совершенному паденію" *).

Нетерпимость и гнетъ іезуитовъ обрушивались не только на православныхъ, но и на всѣхъ иновѣрцевъ въ Польскомъ государствѣ. За притѣсненія лифляндцевъ—протестантовъ у Польши возникла война съ Швеціей и по миру, заключенному въ 1660 году въ Оливѣ, Польша утратила Лифляндію. Нѣсколько ранѣе этого, въ 1654 году, Польша за свою нетерпимость, за жестокость и преслѣдованія казаковъ, потеряла Малороссію. Казаки долго боролись съ Польшей, защищая свои права и вѣру, но, наконецъ, чаша долготерпѣнія ихъ переполнилась и они, отторгнувшись окончательно отъ Польши, примкнули къ Россіи. Тѣ же причины вызвали вскорѣ войну съ Россіей, окончившуюся Андрусовскимъ миромъ, въ 1667 году, по которому Россія возвратила себѣ старое достояніе свое—Кіевъ, Черниговъ, Сѣверскую землю и Смоленскъ.

Все это, казалось-бы, должно было образумить поляковъ и показать имъ, къ чему ведетъ ихъ дружба съ іезуитами, но слишкомъ ужъ недальновидными оказались поляки, чтобы сообразить истинныя причины вышеуказанныхъ потерь своихъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы перемѣнить свои отношенія къ диссидентамъ и стряхнуть съ себя пагубное вліяніе іезуитовъ, поляки продолжали обнаруживать свой фанатизмъ и духъ нетерпимости и даже усиливать ихъ въ сильнѣйшей еще степени. Вслѣдствіе этого страпа все болѣе шла къ

*) И. Кульжинскій. Исторія Польши, стр. 119.

упадку; паны и шляхта разнуздались до невозможной степени, быстро усиливался эгоизмъ, патріотизмъ становился пустымъ, ничего не значущимъ словомъ. Страна быстро начала обезсиливать; войска не только не защищали ее отъ набѣговъ и грабежей татаръ, но и сами, не получая жалованья, производили грабежи. Наука, искусство, литература, изящный вкусъ—все быстро пришло къ упадку, какъ нельзя лучше отражая этимъ умственную скудость Польши того времени.

Хотя Краковскій университетъ, съ зависѣвшими отъ него гимназіями (колоніями) выпустилъ много писателей и ученыхъ людей, но, какъ это признаютъ сами польскіе историки (Мацѣевскій), политическое состояніе Польши убивало въ полякахъ любовь къ наукамъ; іезуиты, захвативши въ свои руки образованіе юношества, своимъ направленіемъ еще болѣе вредили просвѣщенію. Благомыслящіе поляки, которыхъ, къ сожалѣнію, было очень немного, сознавали всю пагубу іезуитскаго хозяйничанья и нѣкоторые изъ нихъ (Замойскій, Радзивиллъ, Любранскій), желая противустать ихъ направленію, устроили на свой счетъ академіи въ Замостьѣ и Познани. Академіи эти выдавали дипломы на степени докторовъ богословія, философіи и правъ, но и въ нихъ наука была заглушена схоластикою и латинскими макаронизмами.

Съ 1642 года въ Польшу вошли новые наставники—монахи—піары (Scholarum piarum) и вступили въ соперничество съ іезуитами, но соперничество это оказалось имъ не подъ силу: они сами должны были вскорѣ подчиниться іезуитскому направленію и истреблять въ своихъ воспитанникахъ національность. Поляки требовали на сеймахъ, чтобы въ отправленіи общественныхъ дѣлъ былъ употребляемъ польскій языкъ, а не латинскій, іезуиты же противились этому и все оставалось по прежнему. Въ западно-русскихъ областяхъ вездѣ былъ въ общемъ употребленіи русскій языкъ, но іезуиты совершенно изгнали его, замѣнивъ латинскимъ и польскимъ. Въ наукахъ была такая же неладица; логикѣ, напримѣръ,

учили не для того, чтобы правильно мыслить, а чтобы изъ правды умѣть дѣлать неправду.

Паны, недовольные общественнымъ образованіемъ, стали воспитывать дѣтей дома, приглашая для этого иностранныхъ гувернеровъ, но большинство ихъ оказались заграничными лакеями, безъ вѣры и чести. Тогда начали посылать дѣтей для ученія и образованія заграницу, но и это приносило не лучшіе результаты: лишь весьма немногіе возвращались изъ заграницы съ полезными знаніями, большинство же научалось тамъ только танцовать, играть, проводить время въ праздности и какъ можно меньше походить на поляковъ. Вообще воспитаніе польскаго юношества находилось уже въ то время (XVII вѣкъ) въ весьма плачевномъ состояніи.

Іезуиты ловко пользовались всѣми этими благопріятными для ихъ цѣлей обстоятельствами и забирали все большее и большее вліяніе. Религіозный фанатизмъ росъ въ странѣ пропорціонально духовной нищетѣ; положеніе западно-русскаго народа становилось все тягостнѣе, особенно съ того времени, когда казаки—единственные защитники его, которыхъ поляки всетаки побаивались, — примкнули къ Россіи и прервали всякія сношенія съ Польшей.

Религіозныя усилія поляковъ противъ православія особенно важны въ томъ отношеніи, что увеличивали и усугубляли польское вліяніе въ русскихъ областяхъ. Наплывая въ эти области, поляки придвигались къ русскому народу и давили его своею польскою національностью, своимъ шляхетствомъ. Католическое духовенство, обыкновенное и іезуитское, съ своею нетерпимостью, съ своимъ искуствомъ возмущать совѣсть человѣка, шло за шляхетствомъ и руководило имъ. Тяжесть иноземнаго вліянія была такимъ образомъ двойная; наиболѣе тяжелая и пагубная по своимъ послѣдствіямъ была, конечно, та часть ея, которую налагало латинское духовенство. Гордый польскій шляхтичъ давилъ, угнеталъ русскаго „хлопа“, но это касалось собственно его тѣла, его матеріальнаго быта; душа же хлопа была для него слишкомъ

презрѣнна, чтобы онъ обращалъ на нее вниманіе,—поэтому она оставалась болѣе свободной отъ прикосновенія польскаго шляхетства. Католическое же духовенство проникало именно въ эту закрытую для шляхетства область; оно заглядывало въ избу, въ душу, въ религіозныя вѣрованія крестьянина и всюду оказывало свое пагубное вліяніе.

До половины XVII вѣка политика систематическаго преслѣдованія польскимъ правительствомъ православія и русской народности въ западно-русскихъ областяхъ, хотя и получила большое развитіе и являлось тяжелымъ бременемъ для русскаго народа, но не принимала еще оффиціальнаго характера. Польско-католическое давленіе до второй половины XVII вѣка имѣетъ видъ болѣе частныхъ насилій и правительственной интриги, чѣмъ гнета возводимаго въ законную норму. Русскій народъ, правда, тяжело страдалъ въ это время въ борьбѣ съ уніей и католичествомъ, но за все это время нельзя указать ни одного постановленія внесеннаго въ польскіе законы въ явный ущербъ православію и русской народности. До второй половины XVII вѣка давленіе на православіе и русскую народность со стороны правительства проявляется лишь въ административныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ стѣсненію православныхъ, къ поощренію безнаказанности обидъ, наносимыхъ русскимъ людямъ пришельцами, и къ поддержанію ревностной іезуитской пропаганды. Короли надѣляли чинами, должностями, доходными имѣніями и всякими бенефиціями исключительно лишь католиковъ, особенно тѣхъ, которые переходили въ католицизмъ изъ православія. Тѣ же русскіе, которые держались своей вѣры и народности, не смотря ни на какія заслуги, систематически обходились наградами, вслѣдствіе чего русскіе дворянскіе роды быстро начали бѣднѣть и многіе изъ нихъ, не выдерживая борьбы, переходили въ католичество.

Но вотъ во второй половинѣ XVII вѣка на польскій престолъ возсѣлъ Іоаннъ-Казиміръ; политика и образъ дѣйствій польскаго правительства рѣзко измѣнились. Бывшій іезуит-

скій монахъ, душой и тѣломъ подчинившійся вліянію своего ордена, Іоаннъ-Казиміръ, по характару своему, былъ склоненъ къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ. Съ воцареніемъ его въ Польшѣ началось настоящее іезуитское царство. Въ самый день своей коронаціи Іоаннъ-Казиміръ далъ обѣтъ не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ и никакой другой должности и староства православнымъ. Въ его правленіе угнетеніе русскаго народа было возведено въ законную норму, права православныхъ все болѣе и болѣе ограничивались и ограничивались не, какъ прежде, частными распоряженіями, а сеймовыми постановленіями и королевскими декретами; всѣ православные епископы были изгнаны изъ Рѣчи Посполитой, а послѣдній изъ нихъ—Нелюбовичъ-Тукальскій заточенъ въ крѣпость. Все это привело къ такимъ неурядицамъ и смутамъ, что Іоаннъ-Казиміръ долженъ былъ въ концѣ концовъ отречься отъ престола.

Положеніе Польши въ это время (половина XVII столѣтія) было поистинѣ жалко. Правленіе Іоанна-Казиміра (1648—1668) съ его нетерпимостью и запосчивостью, съ его неуживчивостью съ сосѣдями и жестокимъ притѣсненіемъ западно-русскаго населенія принесло Польшѣ очень много зла. Почти безпрерывно во все свое двадцатилѣтнее правленіе онъ велъ войны съ казаками во главѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ, кончившіяся полнымъ отпаденіемъ отъ Польши Малороссіи и присоединеніемъ ея къ Великой Россіи (1654 г.). „Достаточно бросить взглядъ на положеніе низшихъ слоевъ—говоритъ извѣстный польскій историкъ Іоахимъ Лелевель, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ полякамъ,—чтобы видѣть, въ какомъ упадкѣ и нищетѣ находилась въ это время Польша. Народонаселеніе уменьшилось въ ней поразительнымъ образомъ. Нѣсколько милліоновъ людей погибло въ самое короткое время среди войнъ и кровавыхъ смутъ, до милліона (русскихъ) переселилось съ казаками на сторону (за Днѣпръ); множество народа перебралось заграницу. Цѣлыя селенія и мѣстечки исчезаютъ, земли нѣ-

когда обработанныя и подготовленныя для пашни, поросли лѣсомъ. Народъ будто не нуждался уже, какъ прежде, въ сапожникахъ, портныхъ и другихъ ремесленникахъ: и поселянинъ, и горожанинъ, и убогій на загонѣ шляхтичъ равно прикрывали рубаху изъ дерюги бурой сермягой. Мясо было уже въ рѣдкость; горшки и миски наполнялись варевомъ безъ всякой приправы, часто не доставало даже запеченаго на отрубяхъ хлѣба; изъ него обыкновенно торчали колосяныя иглы. Горѣлкой (водкой) заливалъ бѣднякъ свою горькую долю, ничто уже не обезпечивало его собственности".

Школы въ государствѣ закрывались, осталась только часть протестантскихъ школъ; кромѣ нихъ были только школы іезуитскія, научное направленіе въ которыхъ было крайне вредное. Къ тому же въ государствѣ уже успѣло укорениться грустное подражаніе французскому point d'honneur—шляхетскій гоноръ. „Этотъ гоноръ состоялъ въ забіачествѣ, кровавыхъ схваткахъ и рѣзнѣ — все это называлось поединкомъ. Удалецъ и хвастунъ, всегда готовый помѣряться съ равнымъ себѣ, прежде всѣхъ уходилъ съ поля сраженія. Этотъ же гоноръ, правильнѣе кулачное право, былъ причиною шашней и тайныхъ совѣщаній съ чужеземцами, которые стали внимательно всматриваться въ смуты Посполитой Рѣчи, въ надеждѣ воспользоваться ими. Разстройство ея было ужасно и уже ничѣмъ неисправимо" *). Все это отлично сознавалъ Іоаннъ-Казиміръ; онъ часто говорилъ съ грустью о неотразимой гибели Польши и самъ предложилъ въ 1656 году царю Алексѣю Михайловичу (занявшему своими войсками всю Бѣлоруссію и Литву) послѣ себя польскую корону и заключилъ даже въ Вильно трактатъ о присоединеніи Польши къ Россіи (Россія не воспользовалась тогда этимъ трактатомъ). Невозможность существованія самобытной Польши и неизбѣжность раздѣленія ея уже тогда были такъ очевидны, что даже слабосильный Трансильванскій князь Юрій Рокочій задумалъ

*) І Лелевель, Краткіе очерки исторіи польскаго народа, стр. 189.

раздѣлить Польшу между сосѣдними государствами и съ этою цѣлью двинулъ въ нее свои войска, но потерпѣлъ неудачу.

Послѣ Іоанна-Казиміра царствовали Михаилъ Вишневецкій (1668—1675) и Іоаннъ III Собѣсскій (1675—1696). Оба они при вступленіи своемъ на престолъ повторили присягу своего предшественника и продолжали жестоко тѣснить и угнетать русское населеніе государства. При Михаилѣ Вишневецкомъ Польша потеряла Подолію съ Каменцомъ, которая по миру 1672 года отошла къ Турціи.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного столѣтія Польша потеряла почти четвертую часть своей территоріи. Разложеніе государства шло чрезвычайно быстро; королевская власть становилась фиктивной, въ короли выбирались люди недостойные и продажные, аристократія все болѣе и болѣе развращалась и дошло даже до того, что польская корона доставалась тому, кто больше платилъ за нее. При такомъ положеніи понятно, что государство быстро катилось по наклонной плоскости; гибель его была уже въ то время очевидна для всѣхъ благомыслящихъ людей. Только сами поляки не замѣчали и не видѣли этого.

Когда на польскій престолъ былъ избранъ курфюрстъ саксонскій Августъ (1696), Польша находилась уже въ агоніи; въ ней царило полнѣйшее безправіе, законовъ не существовало; важные паны совершали преступленія безнаказанно,— настало въ полномъ смыслѣ господство произвола. Преслѣдованіе диссидентовъ шло crescendo; безпрестанно издавались новые законы противъ русскихъ и православія, церкви закрывались и отдавались жидамъ, православные были лишены всѣхъ человѣческихъ правъ *). Народъ былъ совершенно порабощенъ, а король сдѣлался не болѣе, какъ куклой, служащей для потѣхи. Необузданная свобода, предоставленная

*) Подробности о неистовствахъ поляковъ противъ православія въ западно-русскихъ областяхъ читатели найдутъ въ книгѣ моей «900-лѣтіе православія на Волыни».

аристократіи и упроченная безпрестанными перемѣнами династій, обратилась, наконецъ, въ безграничное своеволіе, попиравшее ногами всякія права и справедливость. Въ странѣ царствовалъ терроръ.

По вѣчному миру 1686 года Россія получила право вмѣшиваться въ отношенія Польши къ диссидентамъ. Опираясь на это право, Петръ Великій организовалъ въ Польшѣ постоянное наблюденіе за этими дѣлами посредствомъ русскаго резидента при польскомъ дворѣ. Но не скоро и не легко это участіе Россіи въ положеніи русскаго народа въ Польскомъ государствѣ принесло ему пользу. Самыя рѣшительныя требованія русскаго правительства не только оставлялись безъ вниманія польскимъ правительствомъ, но еще болѣе раздражали поляковъ и стѣснительныя мѣры противъ русскихъ усугублялись при каждомъ удобномъ случаѣ. Польское шлахетство, до крайности испорченное іезуитствомъ, было слишкомъ своевольно, чтобы обращать вниманіе на дипломатическія представленія Россіи и напоминанія ея о правахъ диссидентовъ. Къ тому же поляки хорошо знали, что Россія не могла въ то время подкрѣпить силой свои дипломатическія представленія, ибо при Петрѣ I она была занята своими внутренними преобразованіями, а послѣ Петра, въ теченіе сорока лѣтъ, различными внутренними неурядицами. Во все это время въ западно-русскихъ областяхъ совершались самыя невѣроятныя дѣла. То была политическая и религіозная вакханалія поляка надъ русскимъ, — вакханалія, среди которой считалось позволительнымъ бить, мучить, казнить русскихъ цѣлыми толпами только за то, что они русскіе и православные.

Самыя жестокія неистовства совершались поляками надъ русскими въ Бѣлоруссіи. Этому способствовала отчасти сама природа этого уголка русской земли: лѣсистая, болотистая и мало плодородная земля Бѣлоруссіи заставила бѣлорусскій народъ разбиться на малыя группы, вслѣдствіе чего тамъ никакъ не могли объединиться силы народа для борьбы съ

Польшей. Въ юго-западныхъ же областяхъ—Волыни, Подоліи и Кіевщинѣ, напротивъ, народъ всегда жилъ большими группами, въ которыхъ крѣпко сохранялось сознаніе своей силы. Конечно, тутъ полякамъ труднѣе было предаваться неистовствамъ, чѣмъ въ несчастной Бѣлоруссіи. Но если, какъ мы знаемъ, и въ Юго-Западномъ краѣ совершались надъ русскимъ народомъ невѣроятныя въ наше время звѣрства, то можно представить себѣ, какъ приходилось страдать бѣлоруссамъ и что дѣлали съ ними поляки! Оттого на Бѣлоруссіи наиболѣе и запечатлѣлось польско-іезуитское вліяніе, оттого бѣлоруссы и не могутъ до сихъ поръ еще, не смотря на вѣковой періодъ времени, оправиться совершенно отъ трехвѣковаго польскаго рабства и стряхнуть съ себя всѣ наложенныя насильственно этимъ рабствомъ наружныя наслоенія и чуждыя вліянія...

И, замѣчательно, чѣмъ сильнѣе тѣснили поляки иновѣрцевъ своего государства, тѣмъ болѣе падали силы Польши, тѣмъ скорѣе шло внутреннее разложеніе ея и тѣмъ быстрѣе она приближалась къ гибели. А между тѣмъ въ то время, когда въ Польшѣ все разлагалось и клонилось къ разрушенію, сосѣднія съ ней государства укрѣплялись, мужали и возрастали. Бранденбургское курфюршество, бывшее раньше въ вассальной зависимости отъ Польши, выросло въ Прусское королевство; Петръ Великій принялъ поднесенный ему титулъ императора Всероссійскаго. Весьма поучительна и знаменательна, право, судьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ державъ: Петръ Великій геніальною рукою сѣялъ въ Россіи сѣмена просвѣщенія и гражданственности, а Польша въ то же самое время погружалась въ мракъ средневѣковаго невѣжества. „Вся Европа въ XVIII вѣкѣ—говоритъ одинъ польскій историкъ—почитала народъ польскій находящимся въ такомъ возрастѣ дѣтства и на такой степени варварской дикости и грубаго невѣжества, на какой была Европа въ средніе вѣка“. Правда, въ Польшѣ были еще просвѣщенные и умные люди, которые желали добра своему отечеству. Но это были лишь

рѣдкія исключенія, обязанныя своимъ бытіемъ частнымъ причинамъ, а не общему ходу народнаго правленія и воспитанія. Общественное тѣло Польши было уже почти мертво и только по временамъ содрогалось отъ послѣднихъ остатковъ жизненнаго духа. Продолжительныя и безпрерывныя невзгоды довели Польшу до конечнаго ослабленія: она замерла для всякой дѣятельности.

Владычество іезуитовъ и умственное порабощеніе, испытанныя Польшей, принесли свои плоды. Низшимъ классомъ и шляхтой овладѣло нравственное отупѣніе, суевѣріе и фанатизмъ ожесточили и унизили народный духъ. Власть короля ограничилась созваніемъ сеймовъ, раздачею должностей и утвержденіемъ ярмарокъ. Вся же политическая дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ безпечнаго меньшинства. Польша потеряла всякое значеніе въ европейской дипломатіи. Не смотря на обширность своей территоріи, она, въ политическомъ смыслѣ, была не болѣе, какъ мертвою пустыней, отдѣлявшей Турцію отъ Россіи и Австрію отъ Пруссіи: она теперь во всей полнотѣ ощущала на себѣ гибельныя послѣдствія тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, которыя, не принеся почти никакой пользы папской пропагандѣ, весьма тягостно отозвалось на человѣчествѣ. Политическіе успѣхи сосѣднихъ государствъ представляли разительный контрастъ разложенія Польши, но не смотря на это, она, жалкая жертва римской пропаганды, безсильная, безоружная, повергнутая въ состояніе грубости и невѣжества, пренебрегала всѣми прочими народами и съ высокомѣріемъ смотрѣло на своихъ сосѣдей. Если она и продолжала еще жить, то только благодаря своей слабости и омертвѣнію; благодаря этимъ двумъ причинамъ Польша оставалась въ забвеніи у другихъ націй и обращала на себя вниманіе только тогда, когда, пробуждаясь отъ летаргіи, обнаруживала нѣкоторые признаки жизни.

Польскіе сеймы, въ которыхъ сосредоточивалась политическая жизнь государства, прикрывались громкимъ названіемъ Рѣчи По-

сполитой, были въ сущности гнѣздилищемъ рабства, трибуналомъ невѣжества, продажности, насилія и политическаго безсилія. Государственное устройство Польши XVIII вѣка было чуждо прочности и являлось образцомъ хаоса; развитіе нравственныхъ и дѣятельныхъ силъ, если и существовало въ эту эпоху, то только въ одномъ незначительномъ меньшинствѣ и то не въ смыслѣ гражданской свободы, а въ смыслѣ безграничнаго своеволія.

Въ 1762 году на русскій престолъ вступила императрица Екатерина Великая. Могущество Россіи стало возрастать съ первыхъ же годовъ ея царствованія и, естественно, производило влеченіе къ себѣ западно-русскихъ областей, искусственно отъ нея отторгнутыхъ. Въ Польшѣ же, которая тоже не могла не почувствовать этого могущества, вскорѣ умеръ король Августъ III (5 октября 1763 года) и начались обычныя въ междуцарствіи смуты. Екатерина, которая имѣла громадное вліяніе на польскія дѣла и которая при самомъ вступленіи своемъ на престолъ заявила, что главнѣйшею задачею ея будетъ защита русскаго православія и русскаго народа отъ иноземныхъ злоумышленій, посадила на польскій престолъ Станислава Августа Понятовскаго (1764), но смуты отъ этого не только не ослабѣли, но еще усилились. Поляки негодовали на Екатерину и недовѣрчиво смотрѣли на короля, покровительствуемаго русской императрицей. Неразрывно съ этимъ негодованіемъ было негодованіе и новыя жестокости противъ всего русскаго въ западно-русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ польскаго государства. Въ ослѣпленіи политическаго и религіознаго фанатизма, поляки не замѣчали, что сами роютъ себѣ яму. Ихъ преслѣдованія русскихъ дали Екатеринѣ II новый поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла; она заставила польское правительство признать принципъ вѣротерпимости и даже равенство обоихъ вѣроисповѣданій—православнаго и католическаго. Правда, признаніе это существовало больше на бумагѣ, ибо поляки на каждомъ шагу нарушали

обязательства, даже и не подозрѣвая, что они дѣлаютъ этимъ очень опасное дѣло,—по заступничества Екатерины за диссидентовъ, не достигая на дѣлѣ своей цѣли, имѣли тѣмъ не менѣе чрезвычайно важное значеніе. Западно-русскій народъ благоговѣлъ предъ Екатериной, видѣлъ въ ней свою освободительницу, поминалъ въ церквахъ. Но такъ какъ усилія русской императрицы облегчить его судьбу попирались поляками, то народъ пришелъ къ мысли, что ему самому нужно подкрѣпить ихъ своими силами. Было сочинено отъ имени Екатерины подложное воззваніе къ народу идти бить поляковъ и жидовъ. Возгорѣлось гайдамацкое украинское возстаніе („Уманьская рѣзня"), охватившее всю Подолію, часть Волыни и Кіевскую землю. Бунтовщики совершили цѣлый рядъ насилій надъ своими угнетателями—поляками и ихъ дѣятельными помощниками—жидами; особенно пострадалъ при этомъ городъ Умань (нынѣ Кіевской губерніи), гдѣ было истреблено почти все польское и жидовское населеніе. Возстаніе это, впрочемъ, благодаря помощи русскихъ войскъ, присланныхъ Екатериною, было скоро усмирено. Поляки учинили дикую расправу надъ его виновниками, но тутъ среди самого польскаго населенія Рѣчи Посполитой обнаружились смуты и броженія, не замедлившія перейти въ открытое возмущеніе. Возмущеніе это, извѣстное подъ именемъ барской конфедераціи, было направлено противъ Россіи и короля Станислава Понятовскаго. Русскимъ войскамъ, усмирявшимъ гайдамацкое возстаніе, было, по просьбѣ польскаго правительства, велѣно уничтожить и барскую конфедерацію. Генералъ Кречетниковъ нанесъ сильный ударъ конфедератамъ, часть которыхъ бѣжала въ Турцію. Тамъ они начали интригу противъ Россіи, слѣдствіемъ которой явилась наша война съ Турціей.

Принявъ вызовъ Турціи, Екатерина II приказала своимъ войскамъ, усмирявшимъ польскихъ конфедератовъ, возвратиться въ Россію, но король Станиславъ-Августъ упросилъ императрицу оставить при немъ хоть нѣсколько полковъ, такъ какъ

барскіе конфедераты продолжали неистовствовать въ странѣ и объявили его лишеннымъ престола. Въ тоже время мысль о необходимости раздѣла Польши, первоначально зародившаяся еще въ половинѣ XVII вѣка (Юрій Рокочій), день ото-дня все болѣе и болѣе становилась настоятельнымъ требованіемъ времени, такъ что даже султанъ турецкій попялъ это и предлагалъ Австріи свергнуть общими силами Станислава-Августа и раздѣлить между собой Посполитую Рѣчь (1770 г.).

Смуты въ Польшѣ росли и со всѣхъ сторонъ чувствовалась потребность въ рѣшительныхъ мѣрахъ. Волненія перешли уже въ самую Варшаву; конфедераты напали на улицѣ на Станислава-Августа и чуть-было не убили его. Въ это тяжелое для Польши время у прусскаго короля Фридриха II созрѣла въ головѣ мысль о раздѣлѣ ея, на что склонилась и австрійская императрица Марія-Терезія. Для осуществленія этого проекта требовалось еще согласіе Россіи, которая, окончивъ блистательно войну съ Турціей, хотѣла въ вознагражденіе своихъ военныхъ издержекъ, присоединить къ себѣ Молдавію и Валахію. И вотъ австрійскій, а вмѣстѣ съ нимъ и прусскій дворы—начали домогаться, чтобы, вмѣсто дунайскихъ княжествъ, Россія присоединила къ себѣ часть Польши. Не дождавшись еще согласія Екатерины II, Австрія заняла своими войсками староство Спижское (часть Галиціи), подъ тѣмъ предлогомъ, что оно составляло нѣкогда часть, принадлежащаго теперь ей Венгерскаго королевства, а Пруссія заняла воеводства Познанское и Кульминское яко-бы для охраненія своихъ областей отъ свирѣпствовавшей тамъ моровой язвы. Вмѣстѣ съ симъ прусскій король отправилъ въ Петербургъ своего брата принца Генриха убѣдить Екатерину согласиться на раздѣлъ Польши.

Такъ какъ, съ одной стороны, Екатерина видѣла, что раздѣлъ Польши между Пруссіей и Австріей дѣло уже рѣшенное и что противиться имъ значило-бы начать съ ними новую войну изъ-за Польши, а съ другой—поляки, пользуясь турецкой войной и отвлеченіемъ ею отъ нихъ вниманія Рос-

сіи, снова принялись за жестокости и угнетеніе западнорусскаго населенія, не смотря ни на какія дипломатическія представленія и предостереженія, къ тому же и смуты и неурядицы въ Польшѣ дошли уже до крайнихъ предѣловъ,— то императрицѣ Екатеринѣ не оставалось ничего другаго, какъ согласиться на настойчивыя предложенія Австріи и Пруссіи раздѣлить Польшу. И она *послѣ всѣхъ* согласилась на это, но не допустила совершеннаго уничтоженія и раздѣленія Польскаго государства, а дала свое согласіе лишь на отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ, не принадлежавшихъ ей по праву, провинцій. „Въ удовлетвореніе и замѣну многихъ Имперіи нашей на Рѣчи Посполитой Польской издревле законно принадлежащихъ, неоспоримыхъ правъ и требованій— говорится въ манифестѣ Екатерины II отъ 16 августа 1772 года,— принимаемъ нынѣ мы подъ свою Державу и присоединяемъ на вѣчныя времена къ Имперіи нашей всѣ нижеименованныя земли и жителей ихъ, а именно... все воеводство Витебское по обѣимъ берегамъ рѣки Двины, все воеводство Мстиславское и верхнюю часть воеводства Минскаго. Земли эти отнынѣ навсегда имѣютъ состоять подъ скипетромъ Россійской Имперіи, жители-же оныхъ земель и владѣльцы, какого-бы роду и званія ни были, въ подданствѣ онаго".

Новоприсоединенныя къ Россіи земли были раздѣлены на двѣ губерніи — Могилевскую (провинціи: Могилевская, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская) и Полоцкую (провинціи: Псковская, Великолуцкая, Витебская, Полоцкая и Двинская) *), и образовали изъ себя Бѣлорусское намѣстни-

*) Полное Собраніе Законовъ т. XIX, № 13,888.

Нынѣшнія Витебская и Могилевская губерніи, извѣстныя подъ именемъ бѣлорусскихъ или Бѣлоруссіи, въ послѣднее время польскаго владычества подраздѣлялись на четыре воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Лифляндское (Inflanty). Полоцкое воеводство заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Полоцкій, Дрисскій, Лепельскій, Себѣжскій, Дисненскій (Виленской губерніи) и части Городецкаго (Витебской губерніи) и Сѣнскаго

чество, первымъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ котораго былъ назначенъ графъ Захарій Чернышевъ *).

Къ Пруссіи по этому первому раздѣлу Польши отошла Померанія, за исключеніемъ Гданска (Данцига) и Торна, и часть Великой Польши (Познани) до рѣки Нетцы. Къ Австріи—часть Галиціи. Всего отъ Польши отошло 3,925 тысячъ квадр. миль.

Постановленіе трехъ державъ о такомъ раздѣлѣ Польскаго государства было объявлено варшавскому двору; Станиславъ-Августъ сообщилъ его сейму, который, послѣ безполезныхъ криковъ и сопротивленій, принужденъ былъ утвердить раздѣлъ и принять это наказаніе отъ Промысла Божія за безпорядки, самоуправство и униженіе королевской власти.

Такъ совершилось то, что Іоаннъ-Казиміръ предсказалъ за сто лѣтъ, на варшавскомъ сеймѣ 1661 года: „Придетъ время, когда Рѣчь Посполитая, ослабленная собственными раздорами, сдѣлается добычею сосѣдей: Бранденбургія возьметъ Пруссію, Москва — Бѣлую Русь, Австрія — Краковъ. O, utinam sim falsus vetes!“

Произведя первый раздѣлъ Польши, союзныя державы—Россія, Пруссія и Австрія—озаботились о дальнѣйшемъ политическомъ бытіе Польскаго государства и установили для

Могилевской). Города въ воеводствѣ были слѣдующіе: Полоцкъ (главный городъ), Дисна, Дрисса, Придруйскъ (нынѣ мѣстечко Витебской губ.), Березвечь, Лужки, Мосаръ, Прозорки, Плисса, Лепель, Чашники, Ула, Ушачь, Суша, Туровля, Красный, Воронецъ, Соколъ, Ситна, Козяны, Освей др. Витебское воеводство заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Витебскій, Суражскій, Невельскій, Велижскій, Оршанскій, Копыскій, Чаусовскій (Великіе горы) и части Могилевскаго, Сѣнскаго, Лепельскаго, Городецкаго, Климовичскаго и Борисовскаго. Мстиславское воеводство заключало нынѣшніе уѣзды: Мстиславскій, Чериковскій, Климовичскій, Чаусовскій (Дрыбинъ), Гомельскій, Рогачевскій и части Могилевскаго и Быховскаго. Лифляндское воеводство или Инфлянты заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Двинскій, Люцинскій и Рѣжицкій.

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XIX, № 13,807.

него новый, болѣе прочный порядокъ правленія, извѣстный подъ названіемъ конституціи 1775 года. По этой конституціи Польша оставалась избирательной монархіей, но въ короли могъ быть выбираемъ только природный полякъ — потомокъ Пяста; законодательная власть оставалась у сейма, который рѣшаетъ дѣла единогласнымъ приговоромъ; сеймъ состоитъ изъ короля, сената и рыцарства. При королѣ, подъ его предсѣдательствомъ, учрежденъ постоянный или непремѣнный совѣтъ (rada nieustająca), которому принадлежитъ исполнительная власть; постоянный совѣтъ этотъ состоитъ изъ короля (предсѣдателя), 18 сенаторовъ по выбору сейма и 18 сеймовыхъ пословъ. Диссидентамъ предоставлена полная свобода богослуженія, но, по настоянію Австріи, въ сеймахъ не могло быть болѣе трехъ пословъ—диссидентовъ, которые, какъ равно и православная шляхта, не могли быть также ни въ сенатѣ, ни въ постоянномъ совѣтѣ. Особымъ закономъ утверждено „liberum veto“, которымъ каждый депутатъ имѣлъ право опровергнуть всякое сеймовое постановленіе. Наконецъ, польское войско не могло состоять болѣе, чѣмъ изъ 30 тысячъ человѣкъ.

Эту конституцію гарантировала Россія, за цѣлость же и неприкосновенность Посполитой Рѣчи поручились всѣ три союзныя державы, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что поляки не будутъ перемѣнять у себя установленнаго ими порядка правленія и не будутъ притѣснять диссидентовъ.

Какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, въ конституціи 1775 года, не смотря на всѣ ея достоинства, были и свои недостатки. Но не смотря на это Польша съ этой конституціей въ теченіе пятнадцати лѣтъ наслаждалась спокойствіемъ, миромъ и тишиной, безпримѣрными въ ея исторіи, и стала замѣтно поправляться и крѣпнуть. Промышленность и наука проснулись. Польша, правда, оставалась подъ вліяніемъ и даже въ нѣкоторой зависимости отъ Россіи, но русскія войска совершенно очистили ее и Россія руководила дѣйствіями Польши только въ политическихъ дѣлахъ, совсѣмъ

не касаясь ея внутренней жизни и народнаго быта, предоставляя въ этомъ Польшѣ полную свободу дѣйствій. И, нельзя не отдать справедливости, Польша быстро приводила въ лучшее устройство свое внутреннее состояніе. Вотъ какъ описываетъ Лелевель внутреннее состояніе Польши этого времени: „Смѣлыя предпріятія оживили торговлю, промышленность и земледѣліе; прорывались каналы Огинскій и Мухавецкій, возникло нѣсколько новыхъ фабрикъ и увеличилось число ремесленниковъ. Королевскій подскарбій (верховный казначей) Тизенгаузъ завелъ на Литвѣ огромныя рукодѣльни. Многіе, незабвенные для простаго народа граждане, укрѣпивъ за подвластными себѣ людьми право собственности, улучшили тѣмъ домашній бытъ ихъ и утвердили за ними свободу. То былъ высокій для остальной шляхты примѣръ“ *). Во всѣхъ слояхъ общества начали замѣтно въ это время сглаживаться предубѣжденія и предразсудки стараго времени. Понемногу начало прививаться образованіе, свѣтское обращеніе становится свободнѣе. Начали даже выходить изъ употребленія старопольскіе костюмы, которые замѣнили фраки и сюртуки.

Станиславъ-Августъ оказался большимъ любителемъ науки и просвѣщенія и обратилъ особенное вниманіе на развитіе общественности и изящнаго вкуса. Правда, французскіе обычаи и привычки по прежнему первенствовали предъ національными, но замѣтны были усилія и надъ усовершенствованіемъ отечественнаго языка, многіе занимались даже изслѣдованіемъ народной жизни, народныхъ событій. Король покровительствовалъ всему этому и поощрялъ разработку отечественныхъ лѣтописей; ободряемый имъ, Нарушевичъ началъ свою знаменитую польскую исторію. Станиславъ-Августъ учредилъ даже кадетскій корпусъ, чего ни одинъ король не успѣлъ сдѣлать, хотя каждый обѣщалъ это при восшествіи на престолъ. Учреждена была коммиссія народ-

*) I. Лелевель. Краткіе очерки исторіи польскаго народа, стр. 215.

наго воспитанія (едукаціонная); закрыто много іезуитскихъ школъ и всѣ фундыши изгнаннаго не за долго предъ тѣмъ ордена іезуитовъ обращены на воспитаніе юношества; открыто много свѣтскихъ училищъ. Для соблюденія правосудія, канцлеръ Замойскій занимался, по порученію короля, новымъ собраніямъ законовъ. Польская литература, подъ перомъ Красицкаго, Трембецкаго и другихъ писателей начала обращать на себя вниманія Европы. Словомъ, все говорило о возрожденіи польской націи, объ укрѣпленіи воскресавшихъ силъ государства и о наступленіи для него лучшихъ временъ. Хотя и въ этотъ періодъ все еще проявлялся духъ нетерпимости и предубѣжденій: когда канцлеръ Адамъ Замойскій, окончивъ составленіе новаго уложенія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, представилъ его на утвержденіе сейма, послѣдній отвергнулъ его безъ разсмотрѣнія только потому, что онъ охранялъ права одинаково какъ шляхты, такъ и крѣпостныхъ людей.

Если-бы Польша, отбросивъ вздорныя тенденціи и освободившись отъ духа нетерпимости и фанатизма, продолжала, подъ покровительствомъ Россіи, совершенствовать свой внутренній бытъ, она, безъ сомнѣнія, достигла бы скоро цвѣтущаго состоянія и быть можетъ даже возвратила бы себѣ былое могущество. Но поляки никакъ не могли сбросить съ себя пагубное вліяніе іезуитовъ и продолжить долго мирное возрожденіе свое и возстановленіе своего политическаго бытія. Измѣнивъ все, они никакъ не могли измѣнить своихъ отношеній къ диссидентамъ и Россіи и, не замѣчая сами того, готовили себѣ тѣмъ окончательную гибель.

Послѣ перваго раздѣла Польши, за нею оставался еще весь Юго-Западный край, кромѣ Кіева, Литва и часть Бѣлоруссіи. Русскій народъ этихъ областей, почувствовавъ освобожденіе своихъ бѣлорусскихъ собратьевъ, сталъ свергать съ себя религіозное иго Польши и обращаться въ православіе. Русское правительство, въ силу даннаго Польшѣ въ 1775 году обѣщанія, не только не поддерживало это влеченіе къ себѣ

западно-русскаго народа, но, напротивъ, сдерживало его и затрудняло обращеніе уніатовъ въ православіе. Тогда западно-русскій народъ началъ посылать жалобы Екатеринѣ, въ которыхъ высказывалась, между прочимъ, такая мысль: „когда же и для насъ настанетъ ясный день, когда и для насъ взойдетъ солнце“...

Возраставшее не по днямъ, а по часамъ движеніе русскаго населенія, насильственно совращеннаго въ унію, въ пользу православія сильно пугало поляковъ, но они, вмѣсто того, чтобы расположить къ себѣ народъ, продолжали прежнія отношенія свои къ нему. Пріѣхавшій въ 1788 году въ Юго-Западный край переяславскій епископъ Викторъ Садковскій, встрѣтилъ среди русскаго населенія самый восторженный пріемъ; началось массовое обращеніе уніатовъ въ православіе. Испугу и озлобленію поляковъ не было конца и, рѣшивъ, что русскіе снова затѣваютъ бунтъ, они принялись за страшныя звѣрства. Польское правительство изгнало изъ предѣловъ Польши всѣхъ православныхъ священниковъ, русскихъ торговцевъ и даже раскольниковъ, подозрительные же уніатскіе священники и крестьяне были преданы истязаніямъ и смерти. До чего доходило ожесточеніе поляковъ противъ русскихъ за начавшееся между ними движеніе въ пользу своей народности и вѣры, видно изъ того, что особымъ манифестомъ, безпримѣрнымъ въ исторіи, они грозили всѣхъ ихъ предать смерти безъ различія пола и возраста.

Но этого мало. Польскій сеймъ, собравшійся въ концѣ 1788 года, началъ публично оскорблять русскую императрицу, отказалъ въ свободномъ пропускѣ русскихъ войскъ чрезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Валахію, по случаю бывшей тогда у насъ войны съ Турціей, не давалъ, вопреки договору, продовольствія нашей арміи и, вмѣсто установленнаго числа (30 тысячъ), увеличилъ польскую армію до ста тысячъ человѣкъ. Ко всему этому, сеймъ заключилъ еще союзъ съ прусскимъ королемъ державшимъ сторону Турціи, и даже вошелъ въ переговоры съ Турціей, предлагая

помочь ей въ войнѣ съ Россіей *). Но это еще не все. Приготовившись такимъ образомъ къ войнѣ съ Россіей безъ всякаго со стороны послѣдней повода и пользуясь нашей войной съ Турціей, поляки задумали совсѣмъ отстраниться отъ Россіи, нарушить всѣ обязательства свои передъ ней и перемѣнить у себя образъ правленія, установленный и гарантированный русской императрицей и сосѣдними государствами въ 1775 году.

На четырехлѣтнемъ сеймѣ 1788—1791 годовъ былъ утвержденъ цѣлый рядъ внутреннихъ преобразованій Польскаго государства, извѣстныхъ подъ именемъ „конституціи 3 мая“ **). Эта „конституція“, являвшаяся на самомъ дѣлѣ правленіемъ шляхты и совершенно забывшая народъ (нѣкоторые польскіе писатели ее и называютъ „шляхетскою конституціею“), была сочинена враждебною Россіи партіей, во главѣ которой стояли Игнатій Потоцкій, Піатоли, Малоховскій, Колонтай и др.,— и являлась одною изъ послѣднихъ предсмертныхъ судорогъ разслабленнаго, одряхлѣвшаго и отжившаго свой вѣкъ государственнаго организма Польши. „Конституція 3 мая“ была

---

*) Партія во главѣ съ Игнатіемъ Потоцкимъ добивалась соединенія Польши съ Пруссіей подъ однимъ королемъ. Затѣя эта была, конечно, направлена противъ Россіи. Русскій посолъ Булгаковъ не замѣдлилъ, разумѣется, сообщить объ этомъ въ Петербургъ и, интересно, какъ посмотрѣла на эту новую польскую затѣю Екатерина: она не придала ей большаго значенія и, не смотря на все, продолжала свои снисходительныя и покровительственныя отношенія къ Польшѣ. «Когда за нѣсколько лѣтъ у нѣкоторыхъ поляковъ—писала она въ отвѣтъ на донесеніе Булгакову—приходила мысль о соединеніи Россіи съ Польшей, тогда отъ насъ сей планъ оставленъ былъ въ молчаніи, понеже мы взирали на Польшу, яко на державу посереди четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служащую преградою отъ многихъ сосѣдственныхъ раздоровъ. Сію преграду сохранить елико возможно долѣе мы пеклись донынѣ и пещись будемъ, дондеже злостныя затѣи враговъ нашихъ и самой Польши насъ не принудятъ перемѣнить наше объ ней благое расположеніе, и всякой благосмыслящій полякъ въ насъ найдетъ слѣдовательно во всякое время защиту свою и отечества его. Таковыя и тому подобныя разсужденія дозволяемъ вамъ употребить и внушать друзьямъ нашимъ» (С. Соловьевъ. Исторія паденія Польши, стр. 239).

**) Преобразованія эти были объявлены 3 мая (21 апрѣля) 1791 года.

одною изъ тѣхъ минутныхъ вспышекъ жизни, которыя обыкновенно предшествуютъ смерти.

По этой конституціи, наслѣдство польскаго престола, послѣ смерти Станислава-Августа, переходило въ домъ саксонскаго курфюрста; непремѣнный совѣтъ при королѣ и „liberum veto“—уничтожены, дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ etc. Переворотъ былъ совершенъ 3 мая (21 апрѣля) 1791 года. Не смотря на нарушеніе поляками всѣхъ обязательствъ по отношенію къ Россіи и на брошенный открытый вызовъ ей,—отношенія Екатерины къ Польшѣ нисколько не измѣнились. „Мы какъ прежде, такъ и теперь—писала она Булгакову въ отвѣтъ на донесеніе его о майскомъ переворотѣ—останемся спокойными зрителями, до тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ отъ насъ помощи для возстановленія прежнихъ законовъ республики“.

Конституція 3 мая раздѣлила Польшу на двѣ части: одна часть восхищалась ею и стояла за нее грудью, а другая ненавидѣла ее и всѣми силами противодѣйствовала ей. Во главѣ первой стоялъ Игнатій Потоцкій (къ нему, кромѣ поименованныхъ выше лицъ, примкнули братья Чацкіе, Станиславъ Солтыкъ, Чарторыйскіе, Выбицкій, Забѣлло и др.), а во главѣ послѣдней — братъ его Феликсъ Потоцкій, къ которому присоединились: Северинъ Ржевускій, гетманъ Браницкій (женатый на племянницѣ Потемкина), Коссаковскій и друг. Всѣ они собрались въ 1792 году въ Тарговицѣ, составили тамъ вооруженную конфедерацію противъ конституціи 3 мая (другая подобная же конфедерація составилась въ Вильно) и отправили депутацію въ Петербургъ просить защиты Екатерины.

Вслѣдствіе такой просьбы конфедератовъ, русскій посолъ въ Варшавѣ Булгаковъ подалъ сейму протестъ, въ которомъ требовалъ возстановленія въ Польшѣ прежняго порядка дѣлъ (установленнаго въ 1775 году). Сеймъ отклонилъ этотъ протестъ, заявивъ, что конституція 3 мая касается только внутреннихъ

распоряженій. Смуты и броженія между тѣмъ въ Польшѣ продолжались. Тогда 6 мая 1792 года Булгаковъ подалъ польскому правительству слѣдующую декларацію русской императрицы:

„Вольность и независимость яснѣйшей республики Польской возбуждали всегда вниманіе и попеченіе всѣхъ ея сосѣдей. Ея величество императрица Всероссійская, присоединяя къ сему уваженію торжественныя и точныя свои обязательства съ оною республикою, старалася еще и болѣе о неприкосновенномъ соблюденіи сихъ двухъ драгоцѣнныхъ свойствъ политическаго ея бытія. Сіи безпрерывныя и великодушныя старанія ея величества, плодъ любви ея къ правосудію и порядку вообще, равно какъ и доброжелательства и благоволенія къ народу, по одинакому своему происхожденію, по сходству языка и разнымъ другимъ естественнымъ сношеніямъ съ народомъ скипетру ея подвластнымъ, вниманіе ея на себя обратившему, стѣсняли, конечно, честолюбіе и духъ господствованія тѣхъ, кои не довольствуясь удѣломъ власти, государственными узаконеніями имъ дозволенной, искали оную распространить съ ущербомъ самихъ сихъ законовъ. Сего ради ничего они не упустили, дабы, съ одной стороны, утомить дѣятельное попеченіе государыни императрицы о неприкосновенномъ сохраненіи правъ и преимуществъ знаменитой польской націи, а съ другой— оклеветать непорочность и благость ея намѣреній, представляя ихъ при всякомъ случаѣ въ видѣ имъ отнюдь не сродномъ... Ободрясь удачнымъ распространеніемъ всякихъ мечтаній и заблужденій въ нѣкоторой части націи, умыслившіе издавна ея порабощеніе и уничтоженіе древней ея вольности, ожидали токмо удобнаго времени къ произведенію въ дѣйство пагубныхъ своихъ намѣреній. Таковымъ представлялось имъ неожиданное нападеніе на Россію съ двухъ сторонъ". Затѣмъ въ декларації говорится о четырехлѣтнемъ сеймѣ, который „напослѣдокъ увѣнчалъ всѣ свои пагубныя предпріятія тѣмъ, что въ 3 день маія 1791 года испровергнулъ

до основанія зданіе правленія, подъ которымъ республика чрезъ толь многіе вѣки процвѣтала и благодепствовала. Въ сей день она разрушилась и на ея развалинахъ воздвигнута монархія, которая въ новыхъ законахъ, изданныхъ будто для ограниченія оной, кажетъ одни только противорѣчія между ими самыми, не сходство съ старыми и совершенный во всемъ недостатокъ, не оставляя полякамъ ниже тѣни той вольности и тѣхъ преимуществъ, къ коимъ они всегда толь ревнительными себя показывали". Далѣе перечисляются главнѣйшія несообразности конституціи 3 мая и безпорядки, которыми сопровождалось объявленіе ея въ Варшавѣ. „Но сіи зачинщики, какъ бы не довольствуясь причиненными несчастному своему отечеству во внутренности его бѣдствіями, искали еще всѣми способами навлечь ему оныя и извнѣ, поощряя его на распри и даже на явную войну съ Россіей, древнею союзницею и лучшею и постояннѣйшею пріятельницею республики и націи польской".

Далѣе декларація перечисляетъ вызывающія по отношенію къ Россіи дѣянія поляковъ, какъ-то: непропущеніе русскихъ войскъ въ Турцію, взиманіе пошлинъ за отправляемые въ Турцію для продовольствія войскъ припасы etc. „Таковые поступки ни мало не способствуютъ тѣмъ уваженіямъ, какія должны взаимно наблюдать два сосѣдственныя государства, сопряженныя сверхъ того дружбою и союзомъ. Обиды же всякаго рода, чинимыя подданнымъ государыни императрицы, доведены были до такой степени, что нѣкоторые изъ нихъ, находившіеся въ областяхъ республики по торговымъ своимъ дѣламъ, которыя они производили подъ покровительствомъ трактатовъ и народнаго права, коварно обвинялемы были въ поджиганіи жителей къ бунту и подъ симъ предлогомъ захвачены и въ тюрьму посажены. Судьи, коимъ поручено произведеніе надъ ними суда, не находя никакихъ слѣдовъ взводимаго на нихъ преступленія, прибѣгали къ жестокимъ истязаніямъ для вынужденія отъ нихъ признанія и, по исторженіи онаго такимъ образомъ, безчеловѣчные сіи судьи приго-

варивали ихъ къ казни, которая надъ ними мучительски и исполнялась". Затѣмъ указывается на гоненія на православіе, на заточеніе переяславскаго епископа (русскаго подданнаго) и поруганія надъ нимъ. „Не токмо всѣ торжественные договоры, соединявшіе Россію съ Польшею испровержены и нарушены въ главнѣйшихъ ихъ статьяхъ, но вражда простерта до того, что отправлено было чрезвычайное посольство въ Турцію, бывшую тогда въ открытой войнѣ съ Россіей, для предложенія наступательнаго союза противъ сей послѣдней державы... Даже довольное уваженіе къ особѣ и священному достоинству государыни императрицы наблюдаемо не было въ рѣчахъ, говоренныхъ въ полномъ сеймовомъ засѣданіи, и вмѣсто того, чтобы унять сіи безчинія, какъ надлежало, начальники партіи, испровергнувшей законы и правленіе республики, одобряли и похваляли оныя. Малѣйшее изъ сихъ оскорбленій, не упоминая о тѣхъ, которыя умалчиваются для сокращенія сихъ доводовъ, достаточно было бы къ оправданію и узаконенію предъ Богомъ и свѣтомъ тѣхъ мѣръ, каковыя ея императорское величество употребить-бы рѣшилась къ доставленію себѣ должнаго и гласнаго удовлетворенія... Но хотя ея императорское величество не желаетъ внимать гласу собственнаго своего мщенія, однако жъ не можетъ не преклониться на просьбы, принесенныя ей отъ многихъ поляковъ, между коими находится не мало знаменитыхъ, сколь породою и саномъ ихъ въ республикѣ, столь и патріотическими добродѣтелями и способностію къ службѣ государственной. Горя чистѣйшимъ и похвальнымъ усердіемъ о спасеніи отечества своего и паки о пріобрѣтеніи прежней вольности и независимости своей, согласились они между собою составить законную конфедерацію, какъ единое дѣйствительное средство къ отвращенію бѣдствій, причиненныхъ націи беззаконною и насильною варшавскою конфедерацією. На сей конецъ просили они о подкрѣпленіи и вспоможеніи государыню императрицу, которая не усумнилась обнадежить ихъ въ томъ

и другомъ, слѣдуя съ своей стороны, расположеніямъ дружбы и благоволенія своего къ республикѣ и точно исполняя обязательства своихъ съ нею трактатовъ".

Въ заключеніе въ декларації объявляется о введеніи въ предѣлы Польши русскихъ войскъ, для возстановленія правъ и преимуществъ республики и выражается надежда, „что всякій благосмыслящій полякъ, прямо любящій свое отечество, приметъ въ надлежащей цѣнѣ намѣренія ея величества и признаетъ, что онъ будетъ защищать свое собственное дѣло, когда станетъ искренно и усердно способствовать великодушнымъ подвигамъ, которые отъ нея употреблены будутъ по согласію со всѣми истинными сынами отечества для возвращенія республикѣ вольности, преимуществъ и законовъ, кои у нея похитила беззаконная конституція 3 маія" *).

Декларація эта произвела въ Польшѣ очень сильное впечатлѣніе. Станиславъ-Августъ явился на сеймъ, гдѣ была прочтена декларація русской императрицы, и здѣсь произнесъ отчаянную рѣчь. „Вы видите, господа—говорилъ онъ,—съ какимъ презрѣніемъ въ этомъ актѣ отзываются не только о вашемъ дѣлѣ 3 мая, но и обо всѣхъ вашихъ прежнихъ постановленіяхъ... Вы видите, что мы должны необходимо позаботиться о всѣхъ возможныхъ средствахъ для защиты и спасенія отечества... Прежде всего мы должны обратиться къ нашему союзнику, королю прусскому. Вспомните, что съ самаго начала настоящаго сейма, всѣ самыя важныя распоряженія ваши были предприняты по внушенію и совѣтамъ его прусскаго величества. Тотъ же нашъ великодушный сосѣдъ выразилъ желаніе, чтобы мы учредили у себя твердое правительство, на основаніи котораго онъ хотѣлъ упрочить свой союзъ съ нами; вслѣдствіе этого союза торжественно обѣщалъ намъ сначала посредничество, а потомъ и дѣйствительную помощь".

Русскія войска, въ количествѣ 80,000 человѣкъ, подъ на-

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,044.

чальствомъ Каховскаго и Кречетникова, вступили тѣмъ временемъ въ предѣлы Польши. Напрасно Чарторійскій въ Вѣнѣ, а Игнатій Потоцкій въ Берлинѣ просили обѣщанной помощи: Австрія чистосердечно посовѣтывала полякамъ покориться, Пруссія же потребовала себѣ за помощь Гданскъ (Данцигъ) и Торнъ и когда поляки отказали ей въ этомъ, прусскій король предложилъ Екатеринѣ союзъ противъ Польши. За Пруссіей и Австрія соединилась съ Россіей. Такимъ образомъ Польша осталась одна, но все таки рѣшила сопротивляться.

Польская армія состояла изъ 45,000 человѣкъ; ее раздѣлили на три корпуса, двумя изъ которыхъ начальствовали генералы Вельгорскій и Костюшко, а третьимъ племянникъ короля—Іосифъ Понятовскій. Король воспламенялъ храбрость поляковъ прокламаціями, обѣщалъ лично явиться среди войскъ и умереть за отечество. Все ограничилось, однако, пустыми словами. Множество поляковъ не только не пошли на защиту короля, но, составивъ конфедератскіе отряды, соединились съ русскими. Каховскій, овладѣвъ Подоліей и Волынью, шелъ на Варшаву; Кречетниковъ шелъ на Вильно изъ Полоцка. Польскія войска были легко всюду разсѣваемы. Испуганный Станиславъ-Августъ просилъ пощады и самъ присоединился къ тарговицкимъ конфедератамъ; примѣру короля послѣдовали почти всѣ сенаторы и депутаты сейма, кромѣ Игнатія Потоцкаго, Колонтая и немногихъ другихъ. Укоряя Станислава въ легкомыслiи и неблагодарности, Екатерина согласилась на перемиріе подъ условіемъ полной покорности. Станиславъ изъявилъ покорность и объявилъ (23 іюля 1792 года), что былъ обольщенъ неблагонамѣренными людьми. 4 августа русскіе заняли Варшаву; Игнатій Потоцкій, Костюшко, Вельгорскій и др. вожаки бѣжали въ Австрію и Саксонію. По объявленіи соглашенія о перемиріи, конфедераты отправили въ Петербургъ депутацію благодарить Екатерину за ея покровительство Польшѣ. Депутація была принята милостиво, но императрица видѣла опасность оставлять безпокойнаго сосѣда, въ виду особенно того, что Польша вступила

въ дружескія сношенія съ французскими революціонерами, угрожавшими безопасности всей Европы. Въ это время прусскій король, огорченный неудачнымъ походомъ во Францію, началъ переговоры съ Екатериною о вторичномъ раздѣлѣ Польши.

Безконечные раздоры и междоусобія, несправедливости и неистовства поляковъ противъ западно-русскаго населенія побудили Екатерину II разрѣшить въ основѣ русско-польскую тяжбу возвращеніемъ Польши въ тѣ границы, въ какихъ она была до соединенія съ великимъ княжествомъ Литовскимъ,—и тѣмъ какъ ей самой, такъ и сосѣднимъ съ нею государствамъ гарантировать на будущее время миръ и спокойствіе и освободить западно-русскій народъ отъ польскихъ несправедливостей и угнетенія. 8 декабря 1792 года императрица издала указъ на имя находившагося въ Польшѣ генералъ-аншефа Михаила Никитича Кречетникова, изъ котораго видно, что рѣшеніе ея было твердо и непоколебимо.

„Поелику порядокъ во всемъ есть душа правленія—говорится въ этомъ указѣ,—того для за нужное находимъ предписать вамъ: по сочиненіи карты и полученіи точнѣйшихъ о землѣ свѣдѣній, приступить къ присоединенію повѣтовъ, прилегшихъ къ границамъ нашимъ, къ Полоцкой, Могилевской, Черниговской, Кіевской и частію Екатеринославской губерніямъ, приписавъ къ нимъ изъ новыхъ тѣ уѣзды, повѣты или инаго званія земли, кои по близости удобнѣе. Всю прочую новоприобрѣтенную землю назначить къ раздѣленію на три губерніи...: первую губернію въ Минскѣ, на Волыни вторую—Изяславскую, въ называемомъ нынѣ городѣ Заславѣ, который впредь древнимъ именемъ своимъ Изяславомъ называться имѣетъ, или въ Константиновѣ, гдѣ по мѣстному усмотрѣнію то удобнѣе окажется,—и третью въ Брацлавѣ изъ воеводства того-же имени, присоединяя къ симъ двумъ послѣднимъ части воеводства Подольскаго. Для облегченія исполненія поручаемыхъ вамъ дѣлъ, предварительно назна-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

чаемъ въ сіи новыя три губерніи губернаторовъ: въ Минскую генералъ-маіора Неплюева, въ Изяславскую или Константиновскую генералъ-маіора Шереметева, въ Брацлавскую генералъ-маіора Бермана и къ нимъ въ помощь опредѣляемъ вице-губернаторовъ: коллежскихъ совѣтниковъ, въ губерніи: въ Минскую—Михайлова, въ Изяславскую—Вельяминова, въ Брацлавскую надворнаго совѣтника Грохольскаго. Ради пополненія отъ герольдіи всѣхъ чиновъ, повелѣваемъ вамъ вступить въ сношеніе съ правящимъ должность генералъ-прокурора, дабы, по представленіямъ вашимъ и его соображенію, въ сіи новоучреждаемыя губерніи опредѣляемы были люди извѣстной способности и безкорыстія, о чемъ должны вы прилагать крайнее ваше попеченіе... Канцелярскихъ служителей заимствовать изъ Малороссійскихъ, Тульской, Калужской и прочихъ губерній. Отправить надежныхъ людей, подъ надзираніемъ губернаторовъ, къ составленію ревизіи, кои и имѣютъ учинить перепись какъ повѣтамъ, такъ и находящимся въ тѣхъ повѣтахъ помѣщичьимъ и монастырскимъ деревнямъ и въ оныхъ живущимъ людямъ и крестьянамъ... Коронный доходъ польскій слѣдуетъ въ казну нашу. Города оставьте на ихъ правахъ и привиллегіямъ. Тѣхъ монастырей, коихъ монахи не пожелаютъ намъ присягать, а уйдутъ заграницу и монастыри оставятъ пусты, деревни взять въ казенное управленіе..., прочихъ оставьте въ управленіи ихъ имѣніями... Піарскимъ и монастырскимъ школамъ и училищамъ прикажите сдѣлать особую перепись. За сими наипаче надзирать имѣете, по причинѣ вреднаго ихъ ученія, основаннаго на буйственныхъ началахъ новѣйшаго французскаго суемудрія, разрушающаго всѣ связи благоучрежденныхъ обществъ и правленій... Главное попеченіе ваше будетъ о сохраненіи тишины и спокойствія общаго и частнаго въ сихъ провинціяхъ... Вы всемѣрно стараться будете, чтобы со вступленіемъ новыхъ областей подъ скипетръ нашъ, пресѣклись въ оныхъ всякія узлоупотребленія, несправедливости, угнетенія, разбой, смертоубійства и тому подобные без-

порядки, а въ изслѣдованіи дѣлъ—мерзкія пытки, обвиняющія виноватаго, какъ и невиннаго и всякія суровыя казни. Однимъ словомъ, мы желаемъ, чтобы сіи области не токмо силою оружія были намъ покорены, но чтобы вы среди людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской Имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію. Мы уже постановили за правило единожды на всегда во всей Россійской Имперіи, что въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма-бы вредный былъ для спокойствія и безопасности для своихъ гражданъ безпорядокъ запрещенія или недозволенія ихъ различныхъ вѣръ. Вы во всей точности имѣете сохранить во ввѣренныхъ вамъ нынѣ областяхъ сіи статьи, яко коренныя, основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго разсудка. Блаженство народное бывъ предметомъ всякаго добраго правленія и мы, имѣвъ всегда предъ глазами споспешествованіе всѣми намъ отъ Бога дарованными силами къ доставленію благоденствія всѣмъ тѣмъ народамъ, кои намъ въ вѣрности присягу учинили, предписуемъ и нынѣ всѣхъ жителей, какого-бы званія они ни были, кои въ тишинѣ и спокойствіи живутъ и присягу въ вѣрности учинятъ и оную нелицемѣрно сохранять будутъ, не токмо оставить при всемъ томъ, что каждый законно имѣетъ, но всячески ихъ сохранять въ безопасности какъ личной, такъ и имущественной. По обнародованіи манифеста, при торжественномъ въ должность вступленіи вашемъ и гг. губернаторовъ, имѣете вы всѣхъ привести къ присягѣ на вѣрность, какого-бы кто ни былъ чина и званія, и дать во всенародное извѣстіе, чтобы всякъ остался спокойно во владѣніи настоящаго и отнюдь никакого насилія къ отысканію завладѣннаго употреблять не отваживался, а отыскивалъ-бы оное судомъ. Кто-же изъ помѣщиковъ присягать не будетъ и пропуститъ наложенный

на то въ манифестѣ срокъ, тѣмъ велѣть выѣхать изъ нашего владѣнія и оный чрезъ то теряетъ уже права, однимъ подданнымъ нашимъ принадлежащія, во владѣніи и наслѣдствѣ имѣнія" *).

Этимъ указомъ рѣшалась судьба Польши. De facto уже въ это время (конецъ 1792 года) западно-русскія области находились во владѣніи Россіи: онѣ были заняты русскими войсками, М. Н. Кречетниковъ былъ назначенъ уже Минскимъ Изяславскимъ и Брацлавскимъ генералъ-губернаторомъ, были назначены уже также губернаторы и вице-губернаторы (не вступившіе, правда, еще въ свои должности) и Россія дѣлала въ нихъ свои распоряженія.

22 декабря 1792 года Екатерина II вручила вновь назначенному послу въ Польшѣ Якову Ефимовичу фонъ-Сиверсу рескриптъ, въ которомъ вполнѣ уже опредѣленно и ясно выразила свои намѣренія относительно Польши и причины, побудившія ее на рѣшительныя мѣры. „Извѣстно вамъ—говорится въ рескриптѣ,—на какихъ основаніяхъ взаимно полезныхъ и сосѣдственной тишинѣ благопріятствующихъ съ начала нашего вступленія на престолъ нашъ хотѣли мы учредить сношенія наши съ республикою польскою. Пріобрѣтенное нами въ правительствѣ ея вліяніе устремлялось всегда на утвержденіе вольности и независимости ея съ предохраненіемъ законныхъ правъ сограждан ея. Но всѣ сіи подвиги, вмѣсто должнаго ими признанія, произвели злобу къ государству нашему, междоусобную зависть и кровопролитные мятежи, кои пресѣклись наконецъ раздѣломъ, въ 1773 году въ дѣйство произведеннымъ. Не можетъ быть, конечно, ни одного поляка, нѣсколько свѣдущаго о дѣлахъ, который-бы не зналъ, сколь преступленіе наше къ таковой мѣрѣ вынуждено было обстоятельствами и сколь и тутъ имѣли мы не только ограничить собственныя наши права въ предѣлахъ крайней умѣренности, но и воздержать лакомство и алчность другихъ дворовъ въ ономъ съ нами участвовавшихъ. Каза-

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,090.

лось-бы по всѣмъ вѣроятностямъ, что вышепомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе польскихъ владѣній зависятъ нераздѣльно отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надмѣнность, вѣроломство и неблагодарность, сему народу свойственныя, не могутъ быть исправлены ниже самими бѣдствіями; ибо какъ скоро управляющіе онымъ увидѣли насъ озабоченными двумя явными войнами и происками потаенными нашихъ завистниковъ, то не усумнились поползнуться на расторженіе всѣхъ торжественныхъ съ нами обязательствъ и на разные всякаго рода оскорбительные поступки, какъ противъ насъ самихъ, такъ особливо противъ войскъ нашихъ и даже противъ подданныхъ нашихъ, по невиннымъ своимъ промысламъ въ Польшѣ находившихся, увѣнчавъ напослѣдокъ всѣ сіи неистовства испроверженіемъ въ 3-й день маія 1791 года формы правленія, нашимъ ручательствомъ утвержденной. Перемѣна столь несвойственная кореннымъ пользамъ государства нашего не могла быть отъ насъ долго терпима и мы твердо положили оную уничтожить при первомъ удобномъ случаѣ, который намъ и представился въ замиреніи нашемъ съ Портою Оттоманскою. Уважая вышеозначенныя нарушенія торжественныхъ договоровъ и разныя обиды намъ отъ поляковъ причиненныя, имѣли мы-бы неоспоримое право приступить къ исполненію нашего намѣренія и точнымъ объявленіемъ войны. Но упреждая напрасное пролитіе крови и предпочитая вездѣ всегда способы кротости и человѣколюбія, мы прибѣгнули къ средству въ Польшѣ издавна извѣстному и въ чрезвычайныхъ случаяхъ обыкновенно употребляемому, т. е. къ составленію новой конфедераціи". Далѣе въ рескриптѣ говорится о пріемѣ конфедератовъ—отъ короны графа Потоцкаго и гетмана Ржевускаго, а отъ Литвы—Косаковскаго и др.,—и объ обнародованіи, подъ защитою русскаго оружія, генеральной тарговицкой конфедераціи. „Его величество (ко-

роль) призналъ наконецъ конфедерацію. Насколь поступокъ сей былъ нечистосердеченъ, то явно изобличается его поведеніемъ; ибо, не говоря о тѣхъ коварныхъ предложеніяхъ, которыя онъ намъ чинилъ въ намѣреніи поссорить насъ съ другими сосѣдственными дворами, мы достовѣрно знаемъ, что онъ и понынѣ продолжаетъ возбуждать и питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ намъ и войскамъ нашимъ, въ чемъ онъ довольно и предуспѣлъ, ибо вседневно обнаруживаются разные знаки такихъ непріятныхъ расположеній и особливо самымъ непристойнымъ неуваженіемъ къ главнымъ начальникамъ помянутыхъ войскъ нашихъ". Упомянувъ затѣмъ о распространеніи въ Польшѣ „пагубнаго французскаго ученія", объ отсутствіи мѣръ предосторожности и строгости и о предложеніяхъ прусскаго короля, императрица заканчиваетъ рескриптъ слѣдующими словами: „Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощутительно во 1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, то-есть по непостоянству и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовствамъ французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе, во 2) что неподатливостію нашею на предложеніе короля прусскаго и послѣдуемымъ затѣмъ его отпаденіемъ отъ римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи,—и въ 3) что король прусскій, ожесточенной безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или, для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ

новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ".

Въ это время между петербургскимъ и берлинскимъ дворами шли дѣятельные переговоры о предстоящемъ второмъ раздѣлѣ Польши. Соглашеніе послѣдовало очень скоро и, прежде чѣмъ Сиверсъ успѣлъ доѣхать до Варшавы, въ Польшу вступили и прусскія войска. Объявляя, что Польша раздѣляетъ пагубныя ученія французовъ, прусскій король занялъ въ январѣ 1793 года Познань, Гданскъ (Данцигъ) и Торнъ. „Наши переговоры съ королемъ прусскимъ относительно Польши—писала Екатерина Сиверсу отъ 21 февраля 1793 года—приведены къ концу. Вы получите инструкціи, чтобы наложить руки на окончаніе дѣла вамъ ввѣреннаго... Вы должны отправиться въ Гродно *); король пусть ѣдетъ туда или вмѣстѣ съ вами, или прежде, или послѣ, смотря по вашимъ соображеніямъ, только чтобы это было при началѣ вашей операціи; а она начнется подачей декларации, которая будетъ послана вамъ на-дняхъ". Декларацію эту и копію русско-прусскаго договора о новомъ раздѣлѣ Польши Сиверсъ получилъ около 1 марта, чтобы 29 марта (9 апрѣля) представить ихъ, одновременно съ прусскимъ посломъ Бухгольцемъ, польскому правительству.

27 марта 1793 года былъ обнародованъ манифестъ императрицы Екатерины II и, одновременно съ нимъ, манифестъ прусскаго короля о присоединеніи къ ихъ державамъ земель, входившихъ до сего времени въ составъ польскаго государства. Манифестъ императрицы былъ обнародованъ ге-

*) Этотъ городъ выбранъ Екатериною II для чрезвычайнаго польскаго сейма 1793 года, которому надлежало утвердить и санкціонировать актъ втораго раздѣла Польши.

неральъ-аншефомъ М. Н. Кречетниковымъ (отъ своего имени), назначеннымъ генеральъ-губернаторомъ новоприсоединенныхъ областей, въ мѣстечкѣ Полонномъ (Новоградволынскаго уѣзда). Вотъ его содержаніе:

„Участіе ея величества императрица Всероссійской пріемлемое въ дѣлахъ польскихъ основывалось всегда на ближайшихъ, коренныхъ и взаимныхъ пользахъ обоихъ государствъ. Что не только тщетны были, но и обратились въ безплодную тягость и въ таковое же понесеніе безчисленныхъ убытковъ всѣ ея старанія о сохраненіи въ сей сосѣдней ей области покоя, тишины и вольности, то неоспоримо и ощутительно доказывается тридцатилѣтнею испытанностью. Между неустройствами и насиліями происшедшими изъ раздоровъ и несогласій, непрестанно республику Польскую терзающихъ, съ особливымъ соболѣзнованіемъ ея императорское величество всегда взирала на тѣ притѣсненія, которымъ земли и грады, къ Россійской Имперіи прилеглые, нѣкогда сущимъ ея достояніемъ бывшіе и единоплеменниками ея населенные, созданные и православною христіанскою вѣрою просвѣщенные и по сіе время оную исповѣдующіе, подвержены были; нынѣ-же нѣкоторые недостойные поляки, враги отечества своего, не стыдятся возбуждать правленіе безбожныхъ бунтовщиковъ въ королевствѣ французскомъ и просить ихъ пособій, дабы обще съ ними вовлещи Польшу въ кровавое междоусобіе. Тѣмъ вящшая отъ наглости ихъ предстоитъ опасность какъ спасительной христіанской вѣрѣ, такъ и самому благоденствію обитателей помянутыхъ земель отъ введенія новаго пагубнаго ученія, стремящагося къ расторженію всѣхъ связей гражданскихъ и политическихъ, совѣсть, безопасность и собственность каждаго обезпечивающихъ, что помянутые враги и ненавистники общаго покоя, подражая безбожному, неистовому и развращенному скопищу бунтовщиковъ французскихъ, стараются разсѣять и распространить оное по всей Польшѣ и тѣмъ самымъ на вѣки истребить какъ собственное ея, такъ и сосѣдей ея спокойствіе. По симъ

уваженіямъ ея императорское величество всемилостивѣйшая моя государыня, какъ въ удовлетвореніе и замѣну многихъ своихъ убытковъ, такъ и въ предохраненіе пользъ и безопасности имперіи Россійской, а равно и самихъ областей польскихъ и въ отвращеніе и пресѣченіе единожде навсегда всякихъ превратностей и частыхъ разнообразныхъ перемѣнъ правленія, соизволяетъ нынѣ брать подъ державу свою и присоединить на вѣчныя времена къ имперіи своей всѣ замыкающіяся въ нижеописанной чертѣ земли и жителей ихъ, а именно: начиная черту сію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки Двины при углѣ границы Семигаліи, оттуда простираясь на Нарочь и Дуброву и слѣдуя по частному рубежу воеводства Вилепскаго на Столпцы, проводя на Несвижъ, потомъ на Пинскъ и оттоль проходя чрезъ Купевъ между Вышгрода и Новогроблы близь границы Галиціи, съ коею смыкаяся простирается по оной до рѣки Днѣстра, наконецъ спускаяся всегда по теченію сей рѣки, примыкаетъ къ Егорлыку, пункту прежней границы въ той странѣ между Россіей и Польшей такимъ образомъ, что всѣ земли, города и округи объемлемые вышеписанною чертою новой границы между Россіею и Польшею отнынѣ навсегда имѣютъ стоять подъ скипетромъ Россійской имперіи; жители же оныхъ земель и владѣльцы, какого-бы рода и званія ни были, въ подданствѣ онаго. Чего ради и имѣю я, какъ учрежденный надъ оными отъ ея величества генералъ-губернаторъ, точное высочайшее повелѣніе торжественно обнадежить прежде всего собственнымъ ея священнымъ именемъ и словомъ, всѣхъ ея величества новыхъ подданныхъ, а мнѣ любезныхъ теперь согражданъ, что всемилостивѣйшая государыня изволитъ не токмо всѣхъ ихъ подтверждать при совершенной и ничѣмъ не ограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго имѣніи и имуществѣ; но и, совершенно ихъ подъ державу свою усыновляя и пріобщая ко славѣ и благоденствію Россійской имперіи, по примѣру

вѣрноподданныхъ ея жителей бѣлорусскихъ, живущихъ въ полномъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и кроткимъ ея царствованіемъ, всѣхъ и каждаго награждать еще отныпѣ въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные ея пользуются, такъ что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ съ самаго сего дня во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству имперіи Россійской, ожидая и требуя взаимно изъ признанія и благодарности новыхъ своихъ подданныхъ, что они, будучи милостію ея поставлены въ равное съ россіянами благоденствіе, потщатся съ своей стороны содѣлать себя и имени сего достойными истинною къ новому нынѣ, но прежде давнему ихъ отечеству любовію и непоколебимою впредь вѣрностію къ толь сильной и великодушной государынѣ. И потому имѣютъ всѣ и каждый, начиная отъ знатнѣйшаго дворянства, чиновниковъ и до послѣдняго, кому надлежитъ, учинить въ теченіе одного мѣсяца торжественную присягу въ вѣрности, при свидѣтельствѣ опредѣленныхъ отъ меня къ тому нарочныхъ людей. Если же кто изъ дворянства и изъ другаго сословія, владѣющій недвижимымъ имѣніемъ, небрежа о собственномъ своемъ благополучіи, не захочетъ присягать, тому дозволяется на продажу недвижимаго своего имѣнія и добровольный выѣздъ внѣ границъ трехмѣсячный срокъ, по прошествіи котораго все остающееся имѣніе его секвестровано и въ казну взято быть имѣетъ. Духовенство высшее и нижнее долженствуетъ подать собою, яко пастыри духовные, первый во учиненіи присяги примѣръ и въ повседневно Господу Богу публичномъ принесеніи теплыхъ молитвъ о здравіи ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни и дражайшаго ея сына наслѣдника цесаревича великаго князя Павла Петровича и всего высочайшаго императорскаго дома по тѣмъ формамъ, которыя имъ для сего употребленія даны будутъ. Чрезъ торжественное выше сего обнадеживаніе всѣмъ и каж-

дому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости, само собою разумѣется, что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ имперіи Россійской городахъ и земляхъ будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются; ибо человѣколюбіе ея императорскаго величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить изъ общей всѣмъ милости и будущаго благоденствія подъ благословенною Богомъ ея державою, доколѣ они съ своей стороны съ надлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ по званіямъ своимъ обращаться будутъ. Судъ и расправа да будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ именемъ и властію ея императорскаго величества съ наблюденіемъ строжайшаго порядка и правосудія.

Сей манифестъ имѣетъ 27 числа сего марта мѣсяца во всѣхъ церквахъ прочтенъ, въ городскія книги записанъ и въ надлежащихъ мѣстахъ прибитъ быть для всенароднаго свѣдѣнія. А дабы оному совершенная вѣра подаваема была, утвердилъ я его, по данной мнѣ власти, подписаніемъ руки моей и приложеніемъ печати герба моего. Изданъ въ главномъ станѣ войскъ мнѣ ввѣренныхъ при Полоннѣ“ *).

Такимъ образомъ 27 марта текущаго 1893 года исполняется сто лѣтъ со времени возсоединенія съ Россіей почти всего нынѣшняго Юго-Западнаго края, а именно: всей Подоліи, части Кіевской губерніи и восточной половины Волыни (по мѣстечки Катербургъ, Кременецкаго уѣзда и Ковичи—Дубенскаго),—и средней части Сѣверо-Западнаго края, а именно: всей нынѣшней Минской губерніи (исключая Новогрудскій уѣздъ), части Виленской (нынѣшніе уѣзды Вилейскій и Дисненскій) и Витебской (нынѣшній уѣздъ Дриссенскій и часть Двинскаго). Эти новоприсоединенныя области занимали площадь въ 4553 квадратныхъ миль съ 3,011,688 жи-

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,108.

телями, изъ которыхъ около полумилльона составляли поляки и до двухсотъ тысячъ евреи. Изъ нихъ было образовано три губерніи: Минская, Изяславская (Волынская) и Брацлавская (Подольская) *), — и составлена одна епархія. „Изъ церквей и монастырей трехъ новоучрежденныхъ губерній составить новую епархію — говорится въ указѣ Екатерины синоду отъ 13 апрѣля 1793 года. — Поелику правленіе сея епархіи распространяться будетъ на церкви и монастыри трехъ губерній, то имѣетъ быть въ оной архіепископъ. Въ сей санъ произвесть митрополіи Кіевской коадъютора епископа Виктора (Садковскаго), съ наименованіемъ его по древнимъ къ Россіи принадлежавшимъ городамъ Минскимъ, Изяславскимъ и Брацлавскимъ, а по пребыванію его въ Слуцкомъ монастырѣ, архимандритомъ онаго монастыря. Сей епархіи быть во второмъ классѣ и имѣть степень по Могилевской съ жалованьемъ. По сей новой епархіи помянутый архіепископъ имѣетъ быть отъ митрополита Кіевскаго независимъ“ **).

Пруссія получила западную оконечность Польши съ городами Познанью, Гданскомъ (Данцигомъ), Торномъ, Калишемъ и Ченстоховомъ. Обладаніе этими городами, чего она давно добивалась, доставило Пруссіи обладаніе Вислою и торговлей на Балтійскомъ морѣ. Всего она пріобрѣла 1061 квадр. милю съ 1,136,389 жителями.

Для утвержденія и санкціонированія этого раздѣла Польскаго государства въ Гродно былъ созванъ чрезвычайный сеймъ, который, послѣ безконечныхъ пререкательствъ и несогласій, собрался 6 іюня 1793 года. Сеймъ этотъ представлялъ печальный призракъ прежнихъ сеймовъ. Число пословъ сообразовалось съ ничтожнымъ объемомъ Польскаго королевства въ его новыхъ границахъ и было крайне незначительно ***). Въ городѣ были расположены русскія войска;

*) Волынская губернія называлась Изяславской, а Подольская Брацлавской до 1 мая 1795 года.

**) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,113.

***) Вотъ участники этого сейма: изъ сената: Игнатій Массальскій, князь-

отъ пословъ требовалось не обсуждать и рѣшать вопросъ, а лишь исполнить то, что было уже рѣшено между петербургскимъ и берлинскимъ дворами. Сеймъ оказалъ, однако, болѣе сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать. Причиною этому—вѣнскій дворъ, который, съ одной стороны, добивался передъ Екатериной уступки Австріи Кракова, а съ другой—обнадеживалъ поляковъ и возбуждалъ ихъ къ сопротивленію, представляя возможность помощи имъ со стороны непріязненныхъ Россіи государствъ—Франціи, Англіи и Турціи. Станиславъ-Августъ, всегда съ удивительною легкостью поддававшійся чуждымъ вліяніямъ, объявилъ сейму, что когда онъ заключалъ перемиріе съ императрицею Екатериною, русскій посланникъ удостовѣрилъ его, что Россія никакихъ пріобрѣтеній отъ Польши не желаетъ. Короля поддержала враждебная Россіи партія и представленныя Россіей требованія объ уступкѣ ей западно-русскихъ областей встрѣтили въ сеймѣ сильное

епископъ Виленскій; Альбертъ Скаржевскій, епископъ Хелмскій; Іосифъ Кассаковскій, епископъ Лифляндскій; князь Михаилъ Радзивилъ, воевода Виленскій; Петръ до-Алкантора-Ожаровскій, кастелланъ Войничскій и Іосифъ Оборскій, кастелланъ Цѣхановскій. Изъ министерства: Людовикъ Тышкевичъ, великій маршалъ великаго княжества Литовскаго; Симонъ Коссаковскій, великій гетманъ великаго княжества Литовскаго; князь Антонъ Сулковскій, великій канцлеръ коронный; Казиміръ-Константинъ Платеръ, канцлеръ великаго княжества Литовскаго; Михаилъ Огинскій, великій подскарбій великаго княжества Литовскаго; Іосифъ Забелла, гетманъ великаго княжества Литовскаго и Антонъ Деконскій, надворный подскарбій великаго княжества Литовскаго. Изъ рыцарскаго стана: Іосифъ Анквичъ, графъ священныя Римскія имперіи, и Леопардъ Кассаковскій—послы воеводства Краковскаго; Феофилъ Залускій, графъ священныя Римскія имперіи, староста Хенцинскій, и Константинъ Янковскій—послы воеводства Сендомирскаго; Францискъ Куницкій—посолъ земли Хелмскій, Ксаверій Валевскій—посолъ воеводства Волынскаго, Іосифъ Рокитницкій—посолъ воеводства Полоцкаго, Фаддей Станишевскій и Иванъ Остророгъ, графъ священныя Римскія имперіи, — послы земли Черской, Станиславъ Бѣлинскій, маршалъ сеймовый, и Станиславъ Клицкій—послы земли Варшавской, Стефанъ Замбрицкій—посолъ земли Нурской, Шишко—посолъ повѣта Лидскаго, Матвѣй Зыневъ, староста Бержницкій,—посолъ повѣта Гродненскаго, Михаилъ Коссаковской, камергеръ,—посолъ повѣта Ковнинскаго, Людовикъ Гельгудъ—посолъ Жмондскій, Михаилъ Лопота—посолъ воеводства Новгородскаго и др.

сопротивленіе и вызвали страшный шумъ. Уполномоченный императрицы, посолъ Я. Е. фонъ-Сиверсъ, очутился въ крайне затруднительномъ положеніи: сеймъ на отрѣзъ отказывался утвердить раздѣлъ государства, оставалось возобновить военныя дѣйствія, но противъ кого? Никто, кромѣ нѣсколькихъ членовъ сейма, не сопротивлялся. Сиверсъ нашелъ выходъ изъ этого положенія: онъ велѣлъ арестовать наиболѣе упорствовавшихъ и буйствовавшихъ пословъ (Шидловскій, Краснодембскій, Микорскій, Скоржинскій и др.,—всего семь). Мѣра эта оказалась весьма дѣйствительной и 11-го (22-го) іюля 1793 года сеймъ утвердилъ уступку Россіи вышеперечисленныхъ западно-русскихъ областей, отмѣнилъ конституцію 3 мая и постановилъ послать къ императрицѣ Екатеринѣ депутацію съ просьбою принять на себя по прежнему охраненіе уставовъ и самаго существованія Польскаго королевства.

Когда Сиверсъ окончилъ свое дѣло, сейму были представлены требованія прусскаго правительства. Послѣднее было главнѣйшимъ виновникомъ настоящаго несчастья Польши; оно все время возбуждало поляковъ противъ Россіи, обнадеживало ихъ своей помощью и, когда теперь оно явилось, чтобы участвовать въ раздѣлѣ Польши, въ сеймѣ поднялся такой взрывъ негодованія, что даже присутствіе вооруженной силы не могло сдержать его. Прусскій посланникъ Бухгольцъ былъ осыпанъ горькими упреками, ругательствами и проклятіями. Потребовалось вмѣшательство русскаго посла; Сиверсъ поставилъ передъ окнами сейма два батальона солдатъ съ пушками и объявилъ сеймовымъ посламъ, что они не будутъ выпущены до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено требованіе Пруссіи. Тогда въ сеймѣ произошло нѣчто очень странное: послы уговорились, такъ какъ всѣ протесты ихъ будутъ безполезны, молчать, ничего не возражать и ни на что не соглашаться. Въ собраніи водворилась мертвая тишина; прошелъ часъ, другой, третій, наконецъ, настала ночь — все то-же; подъ-утро уже одинъ изъ пословъ, выведенный изъ терпѣнія этой комедіей, всталъ и громко произ-

несъ: „Молчаніе есть знакъ согласія“. Предсѣдатель воспользовался находчивостью посла и спросилъ у собранія: „Не имѣется-ли какого-нибудь возраженія противъ этого замѣчанія?“ Въ собраніи продолжалось все то-же гробовое молчаніе. Тогда предсѣдатель объявилъ, что сеймъ соглашается на предложеніе Пруссіи.

Вотъ трактатъ между Россіей и Польшей, утвержденный и подписанный въ Гродно 11-го (22) іюля 1793 года: „Во имя Пресвятыя и нераздѣлимыя Троицы. Поелику безпокойство и раздоры, открывшіеся въ королевствѣ Польскомъ послѣ перемѣны въ 3-й день маія 1791 года самопроизвольнымъ и насильственнымъ образомъ произведенной въ древнемъ его правленіи, безпрестанно продолжались и до такой степени распространились, что, не взирая на употребленныя ея величествомъ императрицею Всероссійскою старанія о утоленіи и прекращеніи оныхъ, тишина и спокойствіе смежныхъ государствъ подвергались отъ того явной опасности,—то ея императорское величество какъ по сему уваженію, такъ и въ разсужденіи неоспоримыхъ правъ пріобрѣтенныхъ ею на справедливое удовлетвореніе всѣхъ издержекъ и убытковъ причиненныхъ ей содѣйствованіемъ ея въ пользу Рѣчи Посполитой, признала за нужное условиться и согласиться съ сосѣдственными державами о удобнѣйшихъ средствахъ къ достиженію обоихъ сихъ предметовъ. Декларація со стороны ея императорскаго величества Всероссійской чрезвычайнымъ и полномочнымъ ея посломъ, а отъ его величества короля прусскаго чрезвычайнымъ его посланникомъ, врученныя въ 29 день минувшаго марта (9 апрѣля) яснѣйшимъ сконфедерованнымъ чинамъ государственнымъ присутствующимъ въ Гроднѣ, была послѣдствіемъ сего условленія; и какъ его величество король польскій съ согласія непремѣннаго совѣта Рѣчи Посполитой почелъ нужнымъ созвать немедленно чрезвычайный сеймъ для совѣтыванія и постановленія о требованіяхъ дворовъ санктпетербургскаго и берлинскаго, то сей сеймъ дѣйствительно собрался и, скоп-

федеровавшись обыкновеннымъ порядкомъ, положилъ и опредѣлилъ вступить въ полюбовные переговоры съ каждымъ изъ сихъ дворовъ, дабы такимъ образомъ распорядить и рѣшить предметы обоюдныхъ ихъ требованій". Далѣе идетъ перечисленіе состава сейма (приведеннаго нами выше) и затѣмъ слѣдуютъ статьи трактата:

„*Ст. I.* Да будетъ отнынѣ на вѣчныя времена ненарушимый миръ, совершенное согласіе и дружба между ея величествомъ императрицей Всероссійской, наслѣдниками и преемниками ея и всѣми ея областьми—съ одной стороны, и его величествомъ королемъ польскимъ, великимъ княземъ литовскимъ и преемниками его, также какъ и королевствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ—съ другой. Для прочнѣйшаго же утвержденія взаимной дружбы, высокодоговаривающіяся стороны обязываются и обѣщаютъ не только предать прошедшее совершенному забвенію, но и прилагать крайнее тщаніе о прекращеніи въ самомъ началѣ самаго повода къ разрыву, могущаго вновь поколебать искреннюю между ими дружбу и доброе согласіе и сношеніе между обоюдными ихъ подданными.

Ст. II. А дабы установить сію счастливую силу вѣчнаго мира на прочнѣйшемъ основаніи, признано за прилично и нужно опредѣлить и означить границы, которыя впредь навсегда отдѣлять будутъ имперію Россійскую отъ королевства Польскаго. Вслѣдствіе чего его величество король польскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ своихъ, и чины и генеральные станы королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго уступаютъ симъ трактатомъ безотмѣнно на вѣчныя времена и безъ всякаго поворота и изъятія ея величеству императрицѣ Всероссійской, наслѣдникамъ и преемникамъ ея, земли, области и уѣзды, лежащіе и замыкающіеся въ чертѣ означенной на картѣ" (указывается линія границы присоединяемыхъ къ Россіи областей, извѣстная уже читателямъ изъ манифеста 27 марта 1793 года). „Поелику же сія вышеозначенная черта должна навсегда служить

границею между Россійскою имперіею и королевствомъ Польскимъ, то его величество король и чины, и станы королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго самымъ формальнымъ, торжественнымъ и паисильнѣйшимъ образомъ уступаютъ ея величеству императрицѣ Всероссійской, наслѣдникамъ и преемникамъ ея все, что вслѣдствіе того къ имперіи Россійской принадлежать долженствуетъ, а именно: всѣ земли и уѣзды отдѣленные вышереченною чертою отъ настоящихъ польскихъ владѣній, со всею собственностью, самодержавіемъ и независимостью, со всѣми городами, крѣпостями, мѣстечками, селами деревнями, рѣками и водами, со всѣми подданными и жителями, освобождая сихъ послѣднихъ отъ подданства и присяги въ вѣрности учиненной ими его величеству и коронѣ польской, со всѣми правами какъ по политической и гражданской, такъ и по духовной части и вообще со всѣмъ принадлежащимъ къ самодержавію сихъ земель; и реченные его величество король и Рѣчь Посполитая Польская обѣщаютъ точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не дѣлать никогда, ни явно, ни скрытно и ни подъ какимъ предлогомъ, никакого притязанія на сіи земли и области, настоящимъ трактатомъ уступленныя.

Ст. III. Вслѣдствіе сего его величество король польскій за себя и преемниковъ своихъ и чины, и генеральные станы польскіе и великаго княжества литовскаго торжественнѣйшимъ образомъ на вѣчныя времена отрицаются отъ всѣхъ правъ и всякихъ притязаній, какого-бы рода и наименованія оныя ни были и подъ какимъ-бы видомъ, предлогомъ и при какихъ-бы обстоятельствахъ не могли предложены или учинены быть какъ на земли, области и уѣзды и на всѣ ихъ принадлежности, предъидущею статьею уступленныя, такъ и на все, чѣмъ Россія до сего времени владѣла; и они обязываются ручаться святѣйшимъ и самымъ ненарушимымъ образомъ за всѣ земли, области и владѣнія ея величества императрицы Всероссійской въ Европѣ въ томъ состояніи, какъ оныя нынѣ ей принадлежатъ, съ присово-

купленіемъ къ тому уступленій, учиненныхъ предъидущею статьею.

Ст. IV. Во взаимство уступленій и отрицательствъ означенныхъ во II и III статьяхъ, ея величество императрица Всероссійская, дабы съ своей стороны доказать искреннее ея желаніе объ отвращеніи навсегда новыхъ споровъ по поводу предѣловъ между имперіею Россійскою и королевствомъ Польскимъ, отрицается на вѣчныя времена, какъ за себя, такъ за наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, отъ всякаго права и притязанія, какія-бы она нынѣ или впредь учинить могла посредственно или безпосредственно и подъ какими-бы видами, наименованіемъ, предлогомъ или условіемъ, и при какихъ-бы обстоятельствахъ или происшествіяхъ то ни было, на какую либо область или малѣйшую часть владѣнія, замыкающагося теперь въ Польшѣ. Ея величество императрица Всероссійская обязывается напротиву того охранять Польшу въ состояніи нынѣшняго обладанія и ручаться, какъ то дѣйствительно сею статьею и ручается ей точнѣйшимъ и наисильнѣйшимъ образомъ, въ цѣлости и самодержавіи реченныхъ нынѣшнихъ владѣній со всѣми правами отъ нихъ происходящими.

Ст. V. Ея величество императрица Всероссійская почитаетъ безпосредственнымъ слѣдствіемъ обязанности, принятой на себя IV статьею, не сопротивляться никакой перемѣнѣ въ образѣ правленія, какую въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ польскихъ его величество король и Рѣчь Посполитая признаютъ за нужно учинить въ древней конституціи, согласно съ желаніемъ цѣлаго народа, которое добровольно изъявлено будетъ его уполномоченными, законнымъ образомъ на настоящемъ сеймѣ созванными".

Ст. VI. (О торговомъ соглашеніи сторонъ).

Ст. VII. (О назначеніи съ обѣихъ сторонъ комиссаровъ для опредѣленія точныхъ границъ, установленныхъ этимъ трактатомъ между Россіей и Польшей).

Ст. VIII. Римскіе обоихъ церковныхъ обрядовъ католики,

которые по силѣ II-й статьи сего трактата поступаютъ въ подданство ея императорскаго величества Всероссійской, будутъ не только пользоваться во всей Имперіи Россійской полнымъ и свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, согласно съ правиломъ снисхожденія по сему пункту въ оной принятымъ, но въ уступленныхъ вышереченныхъ II статьею областяхъ будутъ они оставлены въ нынѣшнемъ точно состояніи наслѣдственныхъ владѣній".

Ст. IX. (О послѣдующихъ соглашеніяхъ договаривающихся сторонъ).

Ст. X. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ ея величествомъ императрицею Всероссійскою съ одной стороны и его величествомъ королемъ и Рѣчью Посполитою Польскими—съ другой въ шесть недѣль, считая со дня подписанія, или буде можно ранѣе, и потомъ внесенъ онъ будетъ въ конституцію нынѣшняго сейма. Во увѣреніи чего мы уполномоченные, именно назначенные и снабденные повѣренностію на заключеніе сего трактата, подписали оный и гербовъ нашихъ печати къ нему приложили. Въ Гроднѣ, іюля 11—22 дня 1793 года отъ Рождества Христова".

Ратификація. „Того ради мы, разсмотря оный трактатъ и нашедъ его взаимнымъ обоихъ договаривающихся сторонъ намѣреніямъ совершенно соотвѣтствующимъ, восхотѣли его утвердить, за благо принять и ратификовать, яко же симъ торжественно утверждаемъ, за благо пріемлемъ и ратификуемъ, обѣщая императорскимъ нашимъ словомъ и вѣрою за себя и преемниковъ престола нашего, не токмо свято содержать и исполнять помянутый въ Гроднѣ подписанный трактатъ во всѣхъ его частяхъ, постановленіяхъ и обязательствахъ, но отнюдь не позволять и не допускать, чтобъ оному вопреки поступаемо было. Въ увѣреніе чего мы сію ратификацію собственноручно подписавъ повелѣли утвердить государственною нашею печатью. Дано въ Царскомъ Селѣ, мѣсяца іюля въ 23 день въ лѣто отъ Рождества Христова

1793, государствованія-же нашего Всероссійскаго 32, а Таврическаго 11-ть". *).

Послѣ второго раздѣла Польши, владѣнія ея составляли Варшава, Краковъ, Люблинъ, Сендомиръ, Подляхія, часть Литвы (Вильно, Гродно), часть Волыни (Владиміръ, Ковель, Луцкъ), Холмская (Хелмская) Русь, Мазовія и проч.,—всего 4,010 квадр. миль съ 3,153,629 жителей и 13 милліонами злотыхъ **) дохода. Прежній порядокъ правленія (1775 года) съ непремѣннымъ совѣтомъ при королѣ былъ возстановленъ и положено содержать постояннаго войска не болѣе 15 тысячъ человѣкъ; тѣмъ полякамъ, которые вслѣдствіе этого исключались изъ польской военной службы, было разрѣшено вступать въ русскую или прусскую службу. Цѣлые полки польскіе изъявили желаніе быть принятыми на русскую службу и присягнули на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ. „Знатная часть польскихъ войскъ—говорится въ указѣ Екатерины II отъ 6-го мая 1793 года,—въ новообрѣтенныхъ отъ Рѣчи Посполитой Польской областяхъ находящаяся, признавъ высочайшую власть нашу, учинила на вѣрноподданство намъ присягу. Принявъ оныя войска подъ нашу державу, всемилостивѣйше утвердили мы генераловъ оныхъ и всѣхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ въ настоящихъ ихъ званіяхъ, пожаловавъ командующаго тѣми войсками генералъ-поручика Любовецкаго—въ наши генералъ-поручики, а генералъ-маіоровъ Велевейскаго и Герлица—въ наши генералъ-маіоры, о прочихъ-же штабъ-и оберъ-офицерахъ, для заготовленія на новопожалованные имъ чины патентовъ, повелѣли мы генералу графу Кречетникову прислать въ нашу военную коллегію именные списки". ***).

---

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,141.

**) Злотый = 15 копѣйкамъ.

***) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,122.

Вмѣстѣ съ симъ польскія бригады переименованы въ русскія съ присвоеніемъ имъ русскихъ названій, а именно: бригады народовой кавалеріи:

Положеніе Польши послѣ второго раздѣла было не изъ завидныхъ. „Тогдашнюю Польшу—говоритъ польскій историкъ Лелевель—можно сравнить въ извѣстной степени съ человѣкомъ, обезсилѣвшимъ отъ болѣзни, который оставляя преждевременно ложе впадаетъ снова въ тяжкій и уже смертельный недугъ. Изнеможенная, она утрачиваетъ постепенно область за областью, лишается большей части народонаселенія, ея казна истощена, войско уменьшено. Посреди этихъ тяжкихъ обстоятельствъ рушатся огромныя нѣкогда состоянія частныхъ лицъ; этому способствуютъ банкротства, упадокъ кредита и цѣнности поземельныхъ имуществъ“ *).

Только покорностью можно было купить миръ и поддержать государство. Въ Польшѣ оставались наблюдательные корпуса русскихъ и прусскихъ войскъ. Все казалось покорно и спокойно. Но раздоры продолжались: Польша искала своей гибели.

Всю ненависть за претерпѣнныя униженія поляки обратили на Россію, менѣе всѣхъ виновную въ ея несчастьи и всегда искренно желавшую поддержать ея самобытность. Никто въ Польшѣ не хотѣлъ понять того, что главнѣйшими и существеннѣйшими причинами раздѣленія Польскаго государства заключались въ ея несчастномъ образѣ правленія, дѣлавшемъ невозможными порядокъ и благоустройство; въ нетерпимости пановъ и шляхты, въ ихъ самоуправствѣ, неуваженіи короля и правъ другихъ сословій, наконецъ, въ фанатизмѣ духовенства, стремившагося совершенно уничтожить православную вѣру. Конечно, ни въ чемъ этомъ Россія не была виновна;

оставшаяся отъ генерала Держека—именована бригадой Брацлавской, бригада Швейковскаго—бригадой Днѣпровской, бригада Перекладовскаго—бригадой Днѣстровской, бригада Лазинскаго—бригадой Волынской; полки легкой конницы: полкъ буловы великой коропы именованъ Житомирскимъ полкомъ, полкъ князя Вертембергскаго—Константиновскимъ, полкъ Бержевскаго—Бугскимъ, полкъ Гуманскаго—Винницкимъ; пѣхотные полки: полкъ Мильшевскаго именованъ Изяславскимъ полкомъ и полкъ вольной конфедераціи—Овручскимъ.

*) І. Лелевель. Краткіе очерки исторіи польскаго народа, стр. 225.

къ тому-же она при раздѣлахъ Польши взяла себѣ не польскія провинціи, населенныя польскимъ народомъ, а свое древнее достояніе, области искони русскія, населенныя русскимъ народомъ, съ X вѣка исповѣдующимъ православную вѣру. Казацкія войны съ знаменитымъ Богданомъ Хмѣльницкимъ давно уже подготовили отпаденіе этихъ областей отъ Польши и теперь западно-русскій народъ радовался своему освобожденію отъ польскаго угнетенія и возвращенію въ общее свое отечество—единовѣрную Россію.

Когда послѣдовало распоряженіе о распущеніи польскихъ войскъ, одинъ начальникъ небольшого отряда, расположеннаго въ предѣлахъ нынѣшней Плоцкой губерніи, рѣшился не исполнить этого распоряженія; онъ поднялъ свой отрядъ и кинулся къ Кракову, быстро и ловко минуя мѣста расположенія русскихъ и прусскихъ войскъ. Смѣлый поступокъ этотъ удался ему; по дорогѣ къ нему присоединилось еще нѣсколько отрядовъ и въ Краковѣ составилась уже довольно значительная вооруженная сила. Это ободрило недовольныхъ поляковъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ проживавшими заграницею Игнатіемъ Потоцкимъ, Костюшко, Колонтаемъ и др. Начались приготовленія къ новому безсмысленному мятежу, разразившемуся въ мартѣ 1794 года. Душею этого мятежа и главнымъ руководителемъ былъ Ѳаддей Костюшко, незнатный шляхтичъ, но одаренный необыкновеннымъ умомъ и беззавѣтно храбрый. Онъ участвовалъ въ американской войнѣ и былъ адъютантомъ Вашингтона; возвратясь затѣмъ въ Польшу, онъ служилъ въ арміи, былъ генералъ-маіоромъ и дрался съ русскими въ 1792 году. Бѣжавши послѣ пораженія Польши заграницу, онъ съ товарищами своими (Колонтаемъ, Игн. Потоцкимъ, Малоховскимъ, Мостовскимъ и др.) жилъ въ Саксоніи и завелъ тайныя сношенія съ Польшей. При провозглашеніи въ Краковѣ возстанія 1794 года онъ *) былъ назначенъ диктаторомъ.

---

*) Предки Ѳаддея Костюшко, начиная съ дѣда, были православные.

При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ огнѣ, въ Краковъ былъ посланъ небольшой отрядъ русскихъ войскъ, но онъ встрѣтилъ силу гораздо большую, чѣмъ предполагалось и подъ Рацлавицами былъ разбитъ. Извѣстіе о разбитіи мятежниками русскаго отряда мгновенно облетѣло всю Польшу, дошло до Варшавы, которая также готовилась къ возстанію,— и быстро подняло на ноги всѣхъ жителей. Генералъ Игельстромъ съ 8,000 русскихъ войскъ занималъ Варшаву; видя наружную покорность поляковъ, онъ совершенно успокоился и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Кругомъ увѣряли его, что спокойствіе въ Варшавѣ не будетъ нарушено, что ему надо только дѣлать видъ, что онъ не тревожится и не раздражать народъ передвиженіемъ войскъ. Между тѣмъ въ тоже самое время и тѣми же людьми распространялись въ Варшавѣ слухи, что русскіе ждутъ только приказанія, чтобы кинуться на безоружныхъ варшавянъ и предать ихъ городъ огню и мечу. Въ это-же время въ городъ свозилось отовсюду оружіе и работали тайныя мастерскія для поголовнаго вооруженія жителей. Было рѣшено въ опредѣленный день произвести открытый мятежъ, перерѣзать всѣхъ русскихъ и поднять всю Польшу. Для выполненія этого безсмысленнаго замысла, послѣдней жизненной вспышки Польши, былъ выбранъ великій четвергъ 1794 года—17 апрѣля.

Въ 11 часовъ утра 17 апрѣля нѣсколькими выстрѣлами былъ поданъ сигналъ о началѣ рѣзни. На улицы хлынула сильно возбужденная и вооруженная толпа, явились и войска. Нѣсколько магнатовъ изъ числа приверженцевъ Россіи были повѣшены. Домъ генерала Игельстрома и казармы русскихъ войскъ были окружены многочисленной вооруженной чернью; одинъ русскій батальонъ былъ захваченъ безоружнымъ въ церкви, гдѣ онъ говѣлъ; на улицахъ и площадяхъ, какъ только появлялись русскіе, ихъ осыпали со всѣхъ сторонъ— съ крышъ, изъ оконъ, изъ толпы—выстрѣлами. Игельстрому удалось собрать, однако, почти весь свой отрядъ и онъ послѣ упорной битвы, потерявъ болѣе 2000 убитыми и 2000

плѣнными, едва пробился изъ Варшавы и спасся. Мятежники учредили временное правительство и призывали Костюшко въ Варшаву.

Варшавская рѣзня послужила сигналомъ для всеобщаго возстанія въ Польшѣ. Ясинскій овладѣлъ Вильно и захватилъ тамошняго русскаго коменданта; русскія войска, захваченныя въ расплохъ, были вытѣснены изъ города, въ которомъ сейчасъ-же было повѣшено нѣсколько русскихъ приверженцевъ (въ числѣ которыхъ былъ одинъ бискупъ) и провозглашена конституція 3 мая. Возстаніе объяло всю Польшу отъ Курляндіи до Галиціи. Заволновались Литва, Волынь, даже Бѣлоруссія. Польскія войска, не распущенныя еще подъ разными предлогами (вопреки постановленію гродненскаго сейма 1793 года), потянулись къ Варшавѣ и Кракову, чтобы стать подъ команду Костюшко. Цѣлые полки, присягнувшіе на вѣрность русской императрицѣ, соединялись съ мятежниками.

Первымъ противъ мятежниковъ выступилъ прусскій король Фридрихъ съ 40,000 арміей. Костюшко съ своей сбродной арміей встрѣтилъ пруссаковъ подъ Щекочами (Кѣлецкой губерніи), 6 іюня; борьба, конечно, была невозможна и поляки должны были отступить. Пруссаки заняли Краковъ—гнѣздо мятежа и шли къ Варшавѣ. Костюшко бросился въ Варшаву и велѣлъ укрѣплять ее. Въ Варшавѣ всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его,—одни въ надеждѣ, что появленіе его въ столицѣ подыметъ духъ мятежниковъ и разсѣетъ непріятелей, другіе-же—въ падеждѣ возстановленія порядка, ибо уличная чернь захватила въ свои руки всю власть и ни спокойствіе, ни имущество, ни самая жизнь гражданъ теперь не были въ Варшавѣ и во всей Польшѣ ограждены *). Пораженіе Костюшко подъ Щекочами произвело въ Варшавѣ непріятное впечат-

*) Одно время въ Варшавѣ властвовалъ самозванецъ Килинскій, игравшій несравненно большую роль, чѣмъ король, почти въ заключеніи находившійся въ своемъ замкѣ.

лѣніе и мятежниками начало обуревать смятеніе; большинство ихъ начало уже даже раскаиваться и предлагало просить помилованія. Тогда Коллонтай, горячій приверженецъ французскихъ революціонныхъ идей, рѣшилъ страхомъ принудить робкихъ и непослушныхъ къ повиновенію: началась безпощадная рѣзня всѣхъ, кто противился бунту. Костюшко, прибывъ въ Варшаву, воспротивился этому возмутительному кровопролитію, но раздоры и несогласія не только не прекращались, а все болѣе усиливались.

При первомъ извѣстіи о польскомъ мятежѣ, императрица Екатерина послала въ Польшу войска подъ начальствомъ Кнорринга и Зубова. Австрійскій императоръ, предвидя, чѣмъ должно окончиться ослѣпленіе поляковъ и сожалѣя, что допустилъ второй раздѣлъ Польши безъ своего участія,—также двинулъ войска въ Польшу и занялъ южную часть ея. Послѣ разбитія сильнаго корпуса поляковъ, русскій отрядъ подъ начальствомъ Кнорринга отнялъ и занялъ Вильно. Въ то-же время прусскій король подступилъ къ Варшавѣ и осадилъ ее. Неожиданное возстаніе въ тылу прусской арміи—въ Познанской области,—поднятое Домбровскимъ, заставило, однако, прусскаго короля отступить отъ Варшавы безъ всякаго успѣха.

Костюшко вознамѣрился поднять всѣхъ крестьянъ и сдѣлать войну народною; онъ собиралъ ополченіе, поспѣшно формировалъ полки, готовилъ артиллерію, ведя въ то-же время оживленную переписку съ Парижемъ, надѣясь получить оттуда помощь. Русскія войска, разрозненныя въ разныхъ мѣстахъ, терпя недостатокъ въ продовольствіи и не имѣя одного главнокомандующаго, не только не могли воспротивиться всему этому, но и сами подвергались опасности. Видя опасность дѣла, императрица Екатерина немедленно начала переговоры съ Пруссіей и Австріей, поставивъ имъ на видъ, что пора, наконецъ, прекратить безпокойства и несогласія, причиняемыя Польшею сосѣднимъ государствамъ; Польша не можетъ, какъ показалъ опытъ, и не должна оставаться долѣе

самобытною, тѣмъ болѣе что она сдѣлалась гнѣздомъ разрушительныхъ французскихъ идей, „гибельнымъ горномъ, угрожающимъ спокойствію и безопасности сосѣдей". Наконецъ и для блага самихъ поляковъ, жертвъ честолюбія безумныхъ пановъ, необходимо прекратить гибельное польское неустройство и безначаліе. Прусскій король и австрійскій императоръ были совершенно согласны съ мнѣніемъ русской императрицы и ни минуты не противились ея рѣшенію.

Для прекращенія польскаго мятежа и водворенія порядка въ Польшѣ и сосѣднихъ съ нею западно-русскихъ областяхъ, Екатерина II обратилась къ знаменитому Александру Васильевичу Суворову. Потребность въ смѣломъ, опытномъ и знающемъ Польшу полководцѣ разрушила всѣ козни враговъ Суворова и заставила обратить на него общее вниманіе *). Будучи уже 64-хъ лѣтнимъ старцемъ, но живой и бодрый, какъ юноша, Суворовъ радостно выслушалъ приказъ императрицы и, какъ истинный сынъ отечества, согласился на всѣ ея предложенія. Онъ не потребовалъ ни войскъ, ни денегъ; изъ Немирова (Подольской губерніи), гдѣ онъ находился тогда, онъ выступилъ съ 8000 арміей 14-го августа 1794 года. Онъ самъ велъ свое войско, ѣхалъ впереди его верхомъ и, по непроходимымъ отъ грязи дорогамъ, прошелъ разстояніе отъ Немирова до Ковеля (Волынской губерніи)— 450 верстъ въ 12 дней. По дорогѣ Суворовъ обезоружилъ нѣсколько десятковъ тысячъ мятежниковъ, не проливъ ни одной капли крови.

Дойдя до Ковеля и расположившись за Припятью, Суворовъ составилъ планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій. Онъ отлично

*) Послѣ Турецкаго похода 1790 года Суворовъ, вслѣдствіе неудовольствій съ Потемкинымъ, оставилъ армію и былъ назначенъ начальникомъ войскъ въ Финляндіи. Боясь довѣренности къ нему императрицы, враги Суворова и завистники его славы, удалили его въ 1792 году въ южную Россію, гдѣ онъ, начальствуя надъ войсками, долженъ былъ укрѣплять новыя границы Россіи съ Турціей и наблюдать надъ строеніями въ Одессѣ, Херсонѣ и Николаевѣ

понималъ, что необходимѣе всего тутъ были быстрота и ударъ; нужно было не дать времени полякамъ окончить вербовку ополченія и вооруженіе войскъ и не позволить имъ стянуть войска, защищавшія Польшу со стороны Курляндіи, гдѣ былъ русскій корпусъ Рѣпнина, и со стороны Литвы, гдѣ находились главныя силы поляковъ — въ Гродно Макрановскій и въ Кобринѣ (Гродненской губерніи) Сѣраковскій,—а также и со стороны Пруссіи, гдѣ находились Домбровскій и Мадалинскій. Обладая самъ незначительными силами, Суворовъ могъ располагать корпусами Дерфельдена, бывшаго въ Слонимѣ (Гродненской губерніи), и Ферзена, отступавшаго отъ Варшавы къ берегамъ Вислы. Соединиться съ этими корпусами, раздробить главныя силы Польши и ударить на Варшаву—и было главной задачей Суворова.

Исполняя свой планъ, Суворовъ велѣлъ Дерфельдену идти на Гродно, а самъ пошелъ на Кобринъ, овладѣлъ имъ, напалъ на Сѣраковскаго, бывшаго у Крупчицкаго монастыря, разбилъ его, затѣмъ 8 сентября вторично поразилъ его подъ Тересполемъ (Сѣдлецкой губерніи), захватилъ у него пушки, магазины и такимъ образомъ обезопасилъ Литву. Сѣраковскій съ 3000 войска бѣжалъ въ Варшаву; Суворовъ послалъ въ погоню за нимъ казаковъ, которые остановили его въ Брестѣ, самъ же въ тоже время старался соединиться съ Ферзеномъ

Имя Суворова заставило содрогнуться поляковъ; Варшавой овладѣло безпокойство. Разбитіе Сѣраковскаго еще болѣе усилило страхъ и безпокойство поляковъ и породило страшные раздоры. Видя невозможность какого-нибудь общаго устройства и предчувствуя намѣренія Суворова, Костюшко рѣшилъ предупредить его, собрать сколько можно болѣе войска, загородить путь къ Варшавѣ, ударить на Ферзена, разбить его и обратиться въ тылъ Суворову въ то время, когда Макрановскій, Ясинскій, Гедройцъ, Ваврженцкій, Майенъ, Вельгорскій и Грабовскій встрѣтятъ его съ фронта, а Литва, очищенная Суворовымъ движеніемъ на Варшаву, возмется за оружіе. Условившись съ Макрановскимъ (Гродно), Костюшко съ 10,000 человѣкъ сталъ въ Луковѣ (Сѣдлецкой губерніи), на серединѣ

дороги между Брестомъ, гдѣ былъ Суворовъ, и берегами Вислы, по которымъ шелъ Ферзенъ.Ославъ Понинскаго съ 5000 человѣкъ наблюдать за движеніемъ Ферзена и узнавъ вскорѣ, что Ферзенъ съ частью своего корпуса спускается по лѣвому берегу Вислы и намѣренъ перейти ее въ Пулавахъ (Сѣдлецкой губерніи), а другая часть корпуса переходитъ ниже, въ Козеницахъ (Радомской губерніи),—Костюшко, поручивъ Понинскому Пулавы, бросился въ Козеницы, надѣясь легко разбить часть русскаго корпуса. Но Ферзенъ перехитрилъ его. Отвлекши Понинскаго небольшимъ отрядомъ, онъ со всѣмъ корпусомъ перешелъ Вислу ниже Пулавъ и принудилъ Костюшко къ бою. 28 сентября (8 октября) при с. Мацеевичи Костюшко вступилъ въ отчаянный бой съ Ферзеномъ. Поляки показали храбрость, достойную лучшей цѣли и участи, но, потерявъ 6000 убитыми и 1500 ранеными, были разбиты на голову. Костюшко бѣжалъ, но завязъ въ болотѣ, былъ окруженъ русскими и, сильно раненый, взятъ въ плѣнъ. Бросая свою саблю и отдаваясь въ плѣнъ, онъ съ грустью и отчаяніемъ воскликнулъ: „Finis Poloniae“!

— Слава Богу, Польша наша!—воскликнулъ Суворовъ, узнавъ о пораженіи и плѣнѣ Костюшко. Онъ приказалъ Ферзену и Дерфельдену (Бѣлостокъ), немедленно идти съ двухъ сторонъ къ Варшавѣ, оставляя сзади себя всѣ польскіе корпуса. 7-го октября Суворовъ выступилъ изъ Бреста и, соединившись въ Станиславовѣ съ Ферзеномъ, также пошелъ къ Варшавѣ. Подъ Кобылкою онъ догналъ 5000 польскій отрядъ (15 октября), разбилъ его и 18-го октября легкіе отряды его явились передъ Прагой, укрѣпленнымъ предмѣстьемъ Варшавы (на правомъ берегу Вислы).

Варшаву обулъ ужасъ. Не смотря на все безсиліе свое, раздоры и несогласія, многіе поляки рѣшили защищаться и избрали для этого (на мѣсто Костюшко) Вавржецкаго. Большинство, однако,—и въ томъ числѣ опытные генералы—доказывали безполезность и невозможность борьбы. Была снаряжена депутація и послана къ Суворову просить перемирія. Но

Суворовъ прогналъ депутацію, заявивъ, что съ бунтовщиками не хочетъ имѣть дѣла и требовалъ покорности. Тогда рѣшено было защищаться; 30,000 войска и народа собрались въ Прагѣ подъ начальствомъ Зайончека; она была обнесена рвомъ и валами, на которыхъ стояло сто пушекъ.

22 октября русскія войска подошли къ Прагѣ и, скрывая свое расположеніе, открыли огонь; 24 октября въ пять часовъ утра Суворовъ со всѣхъ сторонъ окружилъ Прагу и начался приступъ. Загорѣлся страшный бой. Въ 9 часовъ утра Прага представляла собою уже груду обгорѣлыхъ развалинъ *), облитыхъ кровью и заваленныхъ трупами. Поляки потеряли убитыми четыре генерала и 13,000 офицеровъ и солдатъ; кромѣ того до двухъ тысячъ человѣкъ утонуло въ Вислѣ и 1,500 человѣкъ взято въ плѣнъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, главные зачинщики и руководители возстанія, клявшіеся прежде погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, похитивъ казну, собранную съ обманутаго народа, бѣжали заграницу. Варшава положила оружіе и сдалась на капитуляцію. 29 октября (8 ноября) 1794 года русскіе безъ боя заняли польскую столицу, а польскія войска вышли изъ нея.

— Ура! Варшава наша!—донесъ Суворовъ императрицѣ.

— Ура! Фельдмаршалъ!—отвѣтила ему императрица.

Станиславъ-Августъ встрѣтилъ Суворова униженною просьбою о ходатайствѣ за него и за Польшу передъ императрицей Екатериной. Самъ онъ послалъ къ ней письмо съ просьбою разрѣшить ему отречься отъ польскаго престола. „Примите—писалъ Станиславъ-Августъ—остальныхъ поляковъ въ число подданныхъ, которыхъ вы счастливите, и осчастливьте

---

*) Во время боя въ Прагѣ загорѣлся пороховой погребъ и почти вся она сдѣлалась жертвою огня.

три милльона людей, которымъ я желалъ и не могъ доставить счастья".

Къ Варшавѣ сдвигались прусскія и австрійскія войска. Польскія войска и вооруженная толпа мятежниковъ постепенно исчезали; большинство ихъ разошлось добровольно, часть-же была обезоружена. Ферзенъ преслѣдовалъ отступавшія изъ Варшавы войска, при которыхъ находились зачинщики возстанія Мадалинскій, Колонтай, Вавржецкій, Зайончекъ и др.; за р. Пилицею подъ Радочицами они были окружены Ферзеномъ и сложили оружіе. Вавржецкій, Домбровскій и др. были привезены въ Варшаву, остальные (Мадалинскій, Колонтай, Зайончекъ) успѣли скрыться заграницу.

Станиславъ-Августъ смиренно ожидалъ рѣшенія участи своей и Польши, а Суворовъ управлялъ государствомъ, врачевалъ раны и облегчалъ бѣдствія его послѣ продолжительныхъ смятеній, междоусобій и войнъ. Въ числѣ трофеевъ, отправленныхъ имъ императрицѣ въ Петербургъ, были польскія королевскія регаліи и знаменитая библіотека, подаренная нѣкогда Варшавѣ ученымъ Залускимъ. Библіотека эта состоявшая изъ 262,640 томовъ и 24,574 эстамповъ, послужила основаніемъ Императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ. Корона и скипетръ Польскаго королевства препровождены были въ московское хранилище рѣдкостей, гдѣ они находятся и по настоящее время.

Всѣмъ полякамъ, кромѣ главныхъ зачинщиковъ возстанія, сосланныхъ въ Сибирь (императоръ Павелъ въ слѣдующемъ году всѣхъ ихъ вернулъ), было объявлено прощеніе. Для охраненія Польши отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе спора между Пруссіей и Австріей, было введено восемьдесятъ тысячъ русскаго войска.

Польша дожила до физической невозможности продолжать свое существованіе и должна была умереть политическою смертію, подобно дряхлымъ старикамъ, умирающимъ отъ того, что не могутъ уже болѣе дышать. Это сознавали и сами поляки, но нѣкоторые изъ нихъ полагали, что Вар-

шава съ небольшимъ округомъ будетъ обращена въ особое маленькое государство, которое получитъ одинъ изъ русскихъ вельможъ.

30 октября 1794 года Екатерина II издала указъ на имя Лифляндскаго, Эстляндскаго и Литовскаго генералъ-губернатора князя Рѣпнина „о раздѣленіи великаго княжества Литовскаго на три части и объ образѣ управленія оными". „По освобожденіи всего великаго Литовскаго княжества съ прилеглостями отъ внутреннихъ онаго враговъ, развратъ и мятежъ въ отечествѣ своемъ поселившихъ—говорится въ этомъ указѣ—и когда уже всѣ княжества сего предѣлы побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ объяты, мы не яко побѣдительница иго на покоренныхъ оружіемъ народовъ налагающая, но яко монархиня непоколебимому милосердію своему удовлетворяющая, даруемъ всѣмъ обитателямъ тол земли милость и прощеніе и соизволяемъ, дабы возчувствовали они отраду по угнетеніямъ, ими претерпѣннымъ, и дабы порядокъ, спокойствіе и безопаспость у нихъ водворились. Вслѣдствіе сего, понеже всѣ они самопроизвольно и единодушно высочайшей волѣ нашей предаются, повелѣваемъ вамъ включаемый здѣсь утвержденный нами отъ лица вашего манифестъ приказать, по учпненіи оному точнаго на польскій языкъ перевода, напечатать и во всѣхъ литовскихъ предѣлахъ торжественно, единообразно и повсюду въ единое время обнародовать". Въ манифестѣ этомъ говорится слѣдующее: „Непобѣдимыя силы ея величества императрицы Всероссійской, предводительству моему высочайше порученныя, поразивъ и истребивъ повсюду внутреннихъ враговъ великаго княжества Литовскаго, священное покровительство ея успокоило отъ ужаса и смятенія въ землѣ сей, гдѣ духъ буйства превозмогалъ надъ всѣми уваженіями, гдѣ измѣнники отечества, похитивъ преимущества власти, испровергли связь законовъ гражданскихъ и политическихъ, проливали съ безчеловѣчною жестокостью кровь соотчичей, истощавали стяжанія ихъ и принуждали благомыслящихъ, богобоязливыхъ, въ

соучастіи съ собою угрозами, гоненіями, а для понужденія примѣрами жестокости и даже самыми лютыми и законопреступными казнями. Коварство сихъ изверговъ, дерзнувшихъ возстать на безопасность и спокойствіе отечества своего, посягнуть на всѣ неистовства сіи и поднять оружіе противъ войскъ Россійскихъ, въ противность всѣхъ законовъ и всѣхъ правъ народныхъ, — принудили всемилостивѣйшую государыню мою, противу воли ея, исторгнуть мечь на огражденіе предѣловъ Имперіи своей и на истребленіе мятежа въ прикосновенныхъ къ оной областяхъ. Труды, усилія и подвиги храбраго воинства ея достигли сей цѣли... Прекративъ съ помощію Божіею пагубное зло сіе, имѣю я точное высочайшее повелѣніе, для утвержденія порядка, повиновенія учреждаемой законной власти и обезпеченности какъ внутренняго спокойствія, личной и имущественной безопасности, такъ и строгаго и безпристрастнаго правосудія, и тѣмъ самымъ водворя здѣсь спокойствіе и ограждая увѣренность предѣловъ Имперіи Россійской и надежность, что невозникнутъ болѣе бунты въ предѣлахъ объятыхъ областей побѣдоноснымъ оружіемъ моей всемилостивѣйшей государыни, употребить всѣ способы доставить и воинству ея безопасность, увѣренность и спокойствіе въ занимаемыхъ ими зимовыхъ квартирахъ; а притомъ яко учрежденный по волѣ ея императорскаго величества главнымъ начальникомъ войскъ и генералъ-губернаторомъ великаго княжества Литовскаго, объявить собственность ея величества священнымъ именемъ и словомъ". Далѣе объявляются высочайшія повелѣнія: 1) всѣмъ оставившимъ оружіе и возвратившимся домой даровать милость и прощеніе; 2) всѣмъ гаранпируется неприкосновенность личности, имущества и вѣры; 3) въ Гродно, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, учреждено временное Литовское правленіе *);

*) Правленіе это состояло изъ четырехъ отдѣленій: казеннаго, уголовнаго, гражданскаго и экономическаго или домоводства. Начальниками этихъ отдѣленій были назначены: казеннаго— полковникъ Иванъ Фризель, уголовнаго—

4) всѣ жители великаго княжества Литовскаго должны принести торжественную присягу; 5) духовенство должно принести благодарственное молебствіе о прекращеніи мятежа и ежедневно приносить молитвы о здравіи государыни и всего Императорскаго дома; 6) всѣмъ возвратиться къ своимъ занятіямъ, не внимать никакимъ измѣнническимъ разглашеніямъ и угрозамъ и безопасно упражняться въ земледѣліи и домостроительствѣ подъ оборономъ русскихъ войскъ; 7) всѣмъ свято блюсти тишину и спокойствіе; 8) въ случаѣ полученія кѣмъ-либо возмутительныхъ писемъ и воззваній—немедленно представлять ихъ по начальству; 9) войскамъ русскимъ оказывать всякое вниманіе; 10) подати и повинности уплачивать вновь назначеннымъ экзекаторамъ; 11) обитатели Литовскаго княжества, въ замѣнъ милостей императрицы и освобожденія ихъ отъ мятежа и ига, должны строго повиноваться власти и законамъ; 12) манифестъ этотъ читать во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ четыре воскресные дня сряду и толковать содержаніе его народу *).

Все Литовское великое княжество раздѣлено на три части (губерніи). „Раздѣлить княжество Литовское на три части и назначить средоточіе сихъ частей въ Вильнѣ, въ Гродно и Ковнѣ или Кейданахъ по удобности, приписавъ къ Гроднѣ, напримѣръ, остатки Новоградскаго, Брестъ-Литовскаго и часть Троцкаго воеводствъ, къ Ковнѣ—все Жмудское княжество и часть Троцкаго воеводства, а къ Вильнѣ—Виленское воеводство, и потомъ учредить во всѣхъ сихъ трехъ областяхъ исполнительную власть".

Король Станиславъ былъ перевезенъ въ Гродно (9 января 1795 года). Между Пруссіей и Австріей все еще шелъ ожесточенный споръ за обладаніе Краковомъ; только посредничество Россіи могло ихъ примирить.

бригадиръ Иванъ Русановъ, гражданскаго—надворный совѣтникъ Николай Волковъ и экономическаго—премьеръ-маіоръ Литкъ.

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17,264.

1-го мая 1795 года Екатерина II-я издала указъ на имя Минскаго, Изяславскаго и Брацлавскаго генералъ-губернатора генералъ-поручика Т. И. Тутолмина, которымъ рѣшалась дальнѣйшая участь Юго-Западнаго края. „Рескриптомъ нашимъ генералъ-фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому отъ 18 марта сего года—говорится въ этомъ указѣ—между прочимъ повелѣли мы, чтобы всѣ земли, начиная отъ прежнихъ съ нами предѣловъ Галиціи вдоль по старой границѣ областей австрійскихъ до Буга, потомъ внизъ по сей рѣкѣ до рубежей литовскихъ, объяты были отъ войскъ, въ начальствѣ его состоящихъ, такъ чтобы замыкая симъ остальную часть Волынскаго и часть Хелмскаго (Холмскаго) воеводствъ, лежащаго на правомъ берегу Буга, все пространство сіе было дѣйствительно въ рукахъ нашихъ, и чтобы гражданское и въ сихъ земляхъ постановляемое отъ насъ правительство всѣ довлѣемыя возможности имѣло, не токмо привесть къ присягѣ всѣхъ обывателей, но и управлять ими именемъ и властію нашею. Вслѣдствіе сего, получивъ отъ упомянутаго генералъ-фельдмаршала донесеніе, что все ему предписанное въ самой точности выполнено будетъ, за благо признали мы вамъ повелѣть: 1) На точномъ основаніи прежде данныхъ предписаній нашихъ, возлагаемъ на васъ принятіе присяги отъ всякаго рода обитателей, живущихъ на земляхъ, вышеупомянутою чертою объемлемыхъ, въ вѣрности подданства на вѣчныя времена намъ и преемникамъ нашимъ. Присоединяя все пространство земель сихъ и съ живущими тутъ къ управленію порученныхъ вамъ губерній, слѣдуетъ вамъ именемъ нашимъ объявить всѣмъ вообще и каждому особенно, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что они уже бывъ подданные державы нашей, какъ таковые и охранены будутъ и сопричитаются ко всѣмъ тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, кои изданнымъ по волѣ нашей въ 1793 году въ 27 день марта отъ графа Кречетникова манифестомъ новоприсоединеннымъ тогда областямъ отъ насъ пожалованы были; 2) земли сіи немедленно

раздѣлить на округи и, сопричитая оные къ устроеннымъ уже округамъ въ губерніяхъ Брацлавской, Изяславской и области Каменецкой, изъ всѣхъ оныхъ составить три губерніи, а именно: Брацлавскую, Волынскую и Подольскую" *).

Объ окончательномъ раздѣлѣ Польши шли переговоры между Россіей, Пруссіей и Австріей. О пріобрѣтеніяхъ Россіи вопросъ впрочемъ былъ уже рѣшенъ, теперь договаривались между собою о разграниченіи своихъ будущихъ владѣній Пруссія и Австрія. 25 ноября 1795 года, въ годовщину своей коронаціи, король Станиславъ-Августъ подписалъ въ Гродно отреченіе отъ польскаго престола. Императрица Екатерина назначила ему 200,000 дукатовъ въ годъ пожизненной пенсіи.

По общему соглашенію Россія получила Литву съ городами Вильно и Гродно и остальныя части Волыни и Подоліи по Галицію. Большая часть этихъ земель составляла Литовское княжество, нѣкогда поглотившее Западную Русь; затѣмъ Россіи возвращалась часть исконныхъ ея земель съ городами Владиміръ-Волынскомъ, Луцкомъ, Брестъ-Литовскомъ и др.,— всего 2185 кв. миль съ 1,176,590 жителями. Кромѣ этого къ Россіи присоединялась Курляндія. Только Червонная Русь съ Холмомъ, Люблиномъ, Красноставомъ, Львовомъ, Галичемъ и Перемышлемъ оставалась отчужденной отъ Россіи; она (834 кв. мили съ 1,037,742 жителями) была предоставлена Австріи. Часть Червонной Руси вошла впослѣдствіи въ составъ Царства Польскаго, присоединеннаго въ 1814 году къ Россіи, такъ что въ настоящее время только собственно Галиція съ Львовомъ и Перемышлемъ, бывшая нѣкогда вотчиною св. князя Владиміра и Ярослава Мудраго и составлявшая часть древняго Владимірскаго удѣла, остается внѣ черты русскихъ владѣній; только жители этого прекраснаго, но несчастнаго русскаго края, простирающагося до Карпатскихъ

*) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 17323.

горъ и до рѣки Сана, еще не возсоединились съ братіей своею, съ своимъ древнимъ отечествомъ, и австрійское правительство спѣшитъ насильственно обратить ихъ въ католиковъ и поляковъ.

Пруссія получила земли отъ Нѣмана на западъ по Бугъ съ Варшавою, Бѣлостокскую область *) и далѣе по Вислѣ и Пилицѣ къ Силезіи. Всего Пруссія получила 997 кв. миль съ 940 тысячами жителей.

14 декабря 1795 года былъ обнародованъ указъ и манифестъ императрицы о присоединеніи къ Россіи литовскихъ и остальныхъ западно-русскихъ областей. „Всю часть великаго княжества Литовскаго—говорится въ указѣ сенату,—которая по прекращеніи мятежа въ Литвѣ и Польшѣ силою оружія нашего съ того времени ко благу своему бывъ объята нашими войсками, управлялась именемъ и властію нашею, присоединить нынѣ къ Имперіи нашей на вѣчныя времена и о томъ объявить новымъ подданнымъ нашимъ изданнымъ отъ насъ манифестомъ... Раздѣлить означенную область на двѣ губерніи, назначая губернскими городами Вильну и Слонимъ и приписавъ къ нимъ окружные города съ ихъ округами по удобности, всемилостивѣйше повелѣваемъ быть правителями губерній генералъ-маіорамъ: въ Виленской—Александру Тормасову и въ Слонимской—Ивану Новицкому; а поручиками правителей (т. е. вице-губернаторами) въ губерніи Виленской полковнику Ивану Фризелю и въ Слонимской колежскому совѣтнику Николаю Волкову“. Манифестъ 14 декабря 1795 года гласитъ слѣдующее: „Божіею поспѣшествующею милостію,

*) Бѣлостокская область была возвращена Россіи по Тильзитскому миру—25 іюня 1807 года. Царство Польское (Герцогство Варшавское) присоединено къ Россіи по Вѣнскому трактату 1814 года. Сосѣднія державы предлагали раздѣлить герцогство Варшавское между Россіей, Пруссіей и Австріей, но депутаты отъ всѣхъ воеводствъ герцогства, присутствовавшіе на Вѣнскомъ конгрессѣ, во главѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, упали на колѣни передъ императоромъ Александромъ I и слезно просили его принять Польшу подъ свою державу. Александръ I уважилъ ихъ просьбу.

мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч., и проч., и проч. Намъ любезновѣрнымъ подданнымъ великаго княжества Литовскаго духовнымъ, благородному рыцарству и земству, городамъ и всѣмъ обывателямъ. Присоединивъ на вѣчныя времена къ Имперіи нашей области великаго княжества Литовскаго, въ нижеозначенной чертѣ лежащія, а именно: начиная отъ предѣловъ Волынской губерніи внизъ по теченію рѣки Буга до Бржеста Литовскаго, и спускаясь далѣе по теченію сей рѣки до предѣловъ Подляхіи, потомъ простираясь по рубежамъ воеводствъ Бржестскаго и Новогрудскаго къ рѣкѣ Нѣману противъ Гродны, откуда продолжаясь внизъ по сей рѣкѣ до того мѣста, гдѣ правый берегъ сей рѣки входитъ въ области прусскія, и наконецъ слѣдуя по старой границѣ королевства Прусскаго въ сей странѣ до Палангена и до моря Балтійскаго, такъ, что всѣ земли города и округи, въ сей чертѣ, находящіеся, навсегда имѣютъ состоять подъ скипетромъ Россійской державы, жители же тѣхъ земель всякаго рода, пола, возраста и состоянія въ вѣчномъ подданствѣ онаго... Объявляя вамъ, нашимъ любезновѣрнымъ подданнымъ, о таковомъ на вѣчныя времена непоколебимо утвержденномъ бытіи вашемъ и потомства вашего, обнадеживаемъ притомъ императорскимъ нашимъ словомъ за насъ и наслѣдниковъ нашихъ, что не токмо свободное исповѣданіе вѣры, отъ предковъ вами наслѣдованной, и собственность, законно каждому принадлежащая, въ цѣлости соблюдены будутъ; но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные россійскіе по милости нашихъ предковъ и нашей пользуются. Впрочемъ удостовѣрены мы, что вы имѣя уже толикіе опыты попеченія нашего о благѣ вашемъ, сохраненіемъ ненарушимой вѣрности намъ и преемникамъ нашимъ и усердіемъ къ пользѣ и службѣ государства нашего потщитеся заслуживать продолженіе монаршаго благоволенія. Данъ въ Санктпетербургѣ декабря 14 дня,

въ лѣто отъ Рождества Христова 1795, царствованія-же нашего Всероссійскаго тридесять четвертое и Таврическаго четвертоенадесять".

3-го января 1796 года въ Петербургѣ былъ подписанъ русско-прусско-австрійскій договоръ о третьемъ и окончательномъ раздѣлѣ Польши. Государство польское было упразднено, польскій народъ причисленъ къ сосѣднимъ народамъ. 5 января 1796 года австрійцы заняли Краковъ; 9-го января русскія войска очистили Варшаву и ее заняли пруссаки. Станиславъ-Августъ Понятовскій поселился въ Петербургѣ, гдѣ 21 января 1798 года скончался на 66-мъ году жизни и, по повелѣнію императора Павла I, погребенъ съ королевскими почестями.

Такъ совершилось возсоединеніе съ Россіей западно-русскихъ областей ея и освобожденіе западно-русскаго народа отъ трехсотлѣтняго рабства и угнетенія. Возсоединеніемъ этимъ Россія почти полностью достигла на западѣ тѣхъ естественныхъ границъ своихъ, которыя были намѣчены еще Владиміромъ Святымъ и Ярославомъ Мудрымъ. Польша никогда не завоевывала западной Руси; сначала Западная Русь соединилась *на равныхъ правахъ* съ Литвой и образовалось Литовско-Русское великое княжество; это великое княжество соединилось потомъ *на равныхъ же правахъ* съ Польшей; послѣдняя съ помощью іезуитовъ опутала его своими кознями и, когда лучшая часть западно-русскаго народа бѣжала отъ преслѣдованій за Днѣпръ, въ Россію, а другая—была ополячена,—Польша постепенно поработила все Литовско-Русское великое княжество.

Потерю западно-русскихъ и литовскихъ областей и послѣдовавшее затѣмъ паденіе Польши поляки любятъ, какъ извѣстно, объяснять насиліемъ Россіи, побѣдою варварства надъ цивилизаціей. Но можно-ли естественное и добровольное сліяніе двухъ разорванныхъ частей одного народа называть наси-

ліемъ? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить ту легкость, съ которою совершилось сто лѣтъ тому назадъ возвращеніе къ Россіи огромнаго края отъ Днѣпра до Западной Двины? Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, ни одного голоса (кромѣ католическаго духовенства и польской шляхты) не раздалось въ пользу Польши и ни одна рука не поднялась изъ среды нѣсколько милльоннаго русскаго населенія, чтобы отстоять ея господство? Чѣмъ, наконецъ, объяснить то, что русскія войска имѣли дѣло только съ польскимъ войскомъ, жители же литовско-русскихъ областей встрѣчали ихъ вездѣ какъ своихъ освободителей, благословляли имя своей державной освободительницы, своего ангела-хранителя и до сихъ поръ поминаютъ его непрестанно въ своихъ молитвахъ? Неужели все это побѣда варварства надъ цивилизаціей?..

Изъ настоящаго очерка нашего, надѣемся, видно, что послужило причиной сто лѣтъ тому назадъ случившейся въ центральной Европѣ катастрофы. Россія тутъ была, конечно, не причемъ; Польша сама издавна носила въ своемъ организмѣ неисцѣлимую болѣзнь и неудержимо стремилась къ разложенію. Всякому благомыслящему человѣку понятно, кто виноватъ въ томъ, что въ то время, когда блестящіе польскіе магнаты проводили время въ пирахъ и сеймовыхъ спорахъ,—московскіе великіе князья, цари и болре, неимѣвшіе понятія ни о латыни, ни о мишурѣ западно-европейскаго рыцарства, среди самыхъ невыгодныхъ обстоятельствъ, съ изумительною настойчивостью и политическимъ смысломъ, собирали воедино русскую землю и закладывали прочное основаніе ея будущему могуществу. Рано или поздно Польша должна была потерять не принадлежавшія ей по праву западно-русскія области, а, потерявъ ихъ, она не могла уже существовать самостоятельно, ибо вся сила польскаго государства, все его могущество заключалось не въ клочкѣ собственно польскихъ земель, а въ обладаніи Западной Русью и Литвой. Возвративъ Западную Русь ея древнему отече-

ству, Екатерина II-я довершила лишь дѣло собиранія русской земли, начатое еще въ XV вѣкѣ царемъ Іоанномъ III-мъ.

Полное внутреннее разложеніе, а именно: своеволіе богатой, разнузданной и продажной аристократіи, не имѣвшей ни малѣйшаго понятія о безкорыстной любви къ родинѣ; безсиліе и непопулярность королевской власти; отсутствіе династическихъ привязанностей въ народѣ (которыхъ и не могло быть въ избирательной монархіи); безкровное положеніе обездоленнаго крестьянскаго быдла, стоявшаго подъ гнетомъ панскаго деспотизма и еврейской кабалы; религіозная нетерпимость и преслѣдованіе русскаго православнаго населенія, внушенныя латинскимъ фанатизмомъ; безумная роскошь, полное бездѣліе, грубое невѣжество, прикрытое лоскомъ европейской образованности; наконецъ, необузданный развратъ верхнихъ слоевъ общества,— вотъ ближайшія причины той катастрофы, которая постигла въ концѣ прошлаго вѣка нѣкогда могущественную Польскую державу. Что касается болѣе глубокихъ и отдаленныхъ причинъ этой катастрофы, то въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, то, что Польша, примкнувъ къ римско-католическому міру, тѣмъ самымъ измѣнила своей народности и обрекла себя чуждымъ славянскому міру цѣлямъ и идеаламъ.

Польша сама приготовила свою гибель и совершившееся сто лѣтъ тому назадъ возсоединеніе западно-русскихъ областей было отнюдь не насиліемъ Россіи, не побѣдою варварства надъ цивилизаціей, какъ любятъ выражаться поляки,— а исторической необходимостью, неудержимымъ стремленіемъ къ возсоединенію угнетеннаго западно-русскаго народа, стремленіемъ, которое Россія, въ силу нравственной и исторической обязанности своей, поддержала и осуществила...

А. Липранди.

Того-же автора:

Какъ остановить мирное завоеваніе нашихъ окраинъ? Нѣмецкій вопросъ, сущность и значеніе его въ юго-западной Россіи. 1890 г. Цѣна 50 коп.

900-лѣтіе православія на Волыни. Судьбы православія и русской народности въ Юго-Западномъ краѣ съ древнѣйшихъ временъ и до настоящихъ дней. 1892 г. Цѣна 75 коп.

Всѣ три книги можно получать: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Кіевѣ—въ книжн. магазинѣ Н. Оглоблина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го Февраля 1893 года.